

Военные
Приключения

ПРИМКНУТЬ ШТЫКИ!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

Сергей Егорович Михеенков
Примкнуть штыки!
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10674492
Примкнуть штыки!/ Михеенков С.Е.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7778-6, 978-5-4444-2333-2

Аннотация

Роман «Примкнуть штыки!» написан на основе реальных событий, происходивших в октябре 1941 года, когда судьба столицы висела на волоске, когда немецкие колонны уже беспрепятственно маршем двигались к Москве и когда на их пути встали курсанты подольских училищ. Волею автора романа вымышленные герои действуют рядом с реально существовавшими людьми, многие из которых погибли. Вымышленные и невымышленные герои дрались и умирали рядом, деля одну судьбу и долю. Их невозможно разлучить и теперь, по прошествии десятилетий...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Глава третья	41
Глава четвёртая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Михеенков

Примкнуть штыки!

Чем меньше войска, тем больше храбрых.

А.В. Суворов

Высшей формой милосердия на войне является жестокость.

Мольтке

События, о которых рассказывает эта история, не придуманы автором. В книге, несомненно, присутствует и художественный вымысел. Однако художественный вымысел не уменьшает страданий реально существовавших людей в реальных обстоятельствах. И эту книгу я написал потому, что не нашёл их имён ни на плитах братских могил от Юхнова до Подольска, ни в наградных списках отличившихся, ни в приказе о присвоении первого офицерского звания тем, кто остался в живых.

Глава первая

Приказ № 257

Рота курсантов пехотно-пулемётного училища, усиленная сводным дивизионом артиллерийского училища, вечером 5 октября 1941 года на грузовиках, спешно собранных по всему Подольску, срочно перебрасывалась на запад от Москвы. Курсантов подняли по тревоге, отменив воскресные увольнения и встречи с родными. В пехотном училище подняли шестую роту. В полном составе, вместе с офицерами и преподавателями. А в артиллерийском из добровольцев и наиболее опытных офицеров сформировали сводный усиленный дивизион. Всё это невеликое воинство, вооружённое винтовками, несколькими пулемётами, а также 45-мм и 76-мм орудиями, и составило передовой отряд подольских училищ. В событиях, которые впоследствии войдут в историю Второй мировой войны под названием «Битва за Москву», передовому отряду отводилась особая роль: эти двести пятьдесят человек становились боевым охранением курсантских батальонов, которые через день-два тоже будут выдвинуты вперёд, в окопы Можайской линии обороны.

Колонну возглавляла неуклюжая бронемашина, оснащённая пулемётом. В броневику рядом с водителем сидел старший лейтенант Мамчич, командир шестой роты, назначенный командиром передового отряда. Никто пока не знал, что же произошло в полутора-двух километрах от Москвы, в районе Юхнова и Мосальска. Точных разведанных не было. Вернее, точным данным разведки в штабах попросту отказывались верить, потому что они были катастрофически неправдоподобными и означали буквально следующее: немцы прорвали линию обороны Центрального и Резервного фронтов и форсированным маршем движутся к Москве, уже не встречая на своём пути никаких войск, способных остановить их, а это значит, что через сутки-другие авангарды моторизованных колонн фон Бока ворвутся в столицу.

Не знал, что там, впереди, ждёт его роту и его самого, и старший лейтенант Мамчич. Кто-то из офицеров сказал ему перед отправкой: «Говорят, фронт прорван на всю глубину. Наши бегут. Похоже, боеспособных войск там уже нет. Так что вас, Леонтий Акимович, направляют...»

То, куда их направляют, Мамчич знал. Во всяком случае – географически. Сочувствующего тона услышать бы не хотел. И потому сейчас ему неприятно было вспоминать и тот разговор, и того сослуживца.

Но теперь он точно знал свою задачу и то, что его шестая рота выполнит её или умрёт. Потому что он знал, ради чего роту бросают в пекло: не сегодня-завтра сводный полк двух училищ, пехотно-пулемётного и артиллерийского, три тысячи курсантов и преподавателей, займёт позиции Малоярославецкого укрепрайона, примыкавшего к Можайскому УРу. А пока левый фланг линии заранее подготовленных укреплений был пуст. Никаких войск действительно там не было.

Не оказалось в это время никаких войск и в самой Москве. Так что Ставке направить на последний рубеж обороны главного города страны было в буквальном смысле некого. Кроме них, курсантов двух училищ, к счастью, расположенных на пути немецких колонн.

Но и этого старший лейтенант Мамчич не знал, хотя все офицеры осторожно, когда не было посторонних ушей, поговаривали именно о том, что Москву, если фронты рухнут, как это уже бывало, защищать будет некому. Кроме них.

И вот подняли их, курсантов и преподавателей... Значит, произошло то, чего опасались больше всего.

Не знал старший лейтенант и надёжности артиллеристов. Только однажды удалось посмотреть, как они стреляют. Это было на полигоне. Артиллеристы стреляли по макетам

танков. Стреляли хорошо, точно. Но там будут настоящие танки, которые тоже стреляют снарядами. Говорят, у немцев в танках очень точные прицелы. Кого, каких стрелков придали его роте сейчас, он не знал.

Старший лейтенант знал только свою шестую роту. Надёжность командиров взводов, сержантов и курсантов.

«Хорошо, что загрузили много гранат», – подумал он с некоторым удовлетворением. Но чёрт бы их подрал, нигде не смогли найти для их роты хотя бы старенькую, хотя какую-нибудь списанную походную кухню. Артиллеристы тоже прибыли без котла, с сухпайком. И вдруг старшего лейтенанта стеганула запоздалая догадка: если не дали кухню, значит, это их выдвижение вперёд попросту обречено и в выполнение ими приказа остановить немцев на шоссе не верят даже те, кто отдавал этот приказ. Вот и пожалели походную кухню, чтобы не пропала зря... Перед глазами старшего лейтенанта всплыло непроницаемое лицо майора Романова. Сколько им предстоит держаться там, на шоссе? Сутки? Половину суток? Что ж, на такой срок сухого пайка хватит.

И, подумав об этом, командир передового отряда понял и другое: этими своими мыслями, этими догадками и предположениями, насколько бы реальными они не были, делиться ни с кем он не должен ни в коем случае.

В полночь голова колонны втянулась в Малоярославец и остановилась. Старший лейтенант Мамчич выскочил из бронемшины и, разбрасывая длинные полы офицерской шинели и поблёскивая высокими голенищами тщательно начищенных сапог, побежал вдоль вереницы грузовиков. Водители некоторых машин были гражданскими, но порядок движения в колонне они знали и сразу же подчинились общей дисциплине. И теперь, пробегая мимо машин, старший лейтенант с удовлетворением отметил, что пока всё, слава богу, идёт хорошо.

Из темноты, которая, казалось, навалилась на окрестность ещё тяжелее, когда машины выключили свет и заглушили двигатели, навстречу командиру роты вышли несколько человек. Скользнул узкий луч карманного фонарика, облизал полы кожаного реглана, пыльную обочину шоссе. И сержант Воронцов, сидевший в ближнем грузовике, услышал краткий и чёткий, как на плацу, когда появлялся вдруг начальник училища, доклад ротного. Он сразу понял, что человек в кожаном реглане и стоявшие рядом с ним какие-то большие начальники, что они давно ждали прибытия их колонны и что именно от них сейчас зависит судьба и шестой роты, и артиллеристов.

– Обстановка крайне напряжённая. Учтите – крайне... – говорил незнакомый дребезжащий усталый голос, видимо, «кожаный реглан». – Вам, наверное, ещё в Подольске сказали, что немцы уже в Юхнове и переправляются на левый берег Угры. Перебрасывают сюда, на наше направление, танки и артиллерию. Впереди идут сапёрные части. Мотоциклисты. Ваша задача такова: следуйте по шоссе до реки Изверь. Давайте уточним по карте. Это километров... Там группа Старчака... Ждут... Предупреждены. Держатся.

– Кто ещё впереди нас? Какие войска? – спросил ротный.

– Войска... – Голос в темноте стал резче, раздражённое. – Какие, к чёрту, войска! Вы, старший лейтенант, и есть все наши войска! Последний резерв...

– Ясно, – тихо, подавленным голосом ответил Мамчич.

И на какое-то время там, в темноте, наступила тишина.

– Так что впереди, кроме Старчака и его людей, на настоящее время, видимо, никого уже не осталось. – Теперь «кожаный реглан» говорил уже спокойнее. – Была ещё одна группа. Возглавлял её полковой комиссар Жабенко. Она почти полностью погибла. Остатки прибились к Старчаку. У Старчака около двух или трёх рот. Может, подошло пополнение. Не знаю, точных сведений нет. С ним ребята из Юхновского истребительного отряда. Ком-

сомольцы. Люди все храбрые, но плохо обученные, опыта боёв не имеет практически никто. Кроме, повторяю, людей Старчака. У него пограничники, десантники. Ребята боевые, но в тактическом бою, в полевых условиях... Так что в лучшем случае их там человек триста.

– Да, негусто.

– Негусто, старший лейтенант. На ваших молодцов надежда. Постарайтесь продержаться. Три дня. Хотя бы три дня.

«Так, значит, три дня, – подумал Мамчич. – Значит, сухой паёк придётся растягивать. И с боеприпасами решить. Чтобы подбросили сегодня же».

– Да, вот ещё что, товарищ Мамчич, – ткнул в темноту пальцем «кожаный реглан», – по дороге и вдоль шоссе движутся группы выходящих из окружения бойцов. Постарайтесь не вступать с ними в контакт. Мало ли что...

– А почему Старчак не переподчиняет их себе?

– Кого там переподчинять? Увидите. Идут... Без винтовок. Где побросали, не помнят. Драп. Это, старший лейтенант, драп. Ну, сами, я думаю, увидите и всё поймёте. К тому же под видом наших бойцов могут просачиваться одиночки и целые отряды диверсантов. Действуют нагло и дерзко. Хорошо владеют русским языком. Будьте начеку. И всех выходящих – мимо своих окопов, на сборный пункт.

– Где ближайший сборный пункт?

– В Медыни. Был в Медыни. А где сейчас, не могу сказать. Да это и не ваше дело.

– Куда направлять?

– Пусть идут как шли. Вдоль шоссе, на восток. Они – не ваша забота. Так что давай поторапливайся. Десантники держатся из последних сил. Берегите орудия. Людей, пополнение, ещё пришлём. Боеприпасы тоже. Сегодня же подбросим сколько сможем. А орудий больше не будет. И людей тоже постарайся сберечь, старший лейтенант. Знай, что в бой поведёшь не просто курсантов, а завтрашних офицеров и политработников.

Мамчич козырнул, в темноте сверкнула его бледная ладонь. Но «кожаный реглан» его остановил:

– Связь с группой Старчака ненадёжная. Сведения приходили противоречивые. То они там, то там. Возможно, пока вы были в дороге, у него могли произойти серьёзные изменения. Но днём он прочно держался на Извери. Просил подкрепления. Так что поторапливайтесь и вперёд вышлите боевое охранение.

– Слушаюсь.

Снова взвыли моторы, заскрежетали коробки передач, захлопали дверцы. Приглушённый, крадущийся свет фар. Приглушённые голоса. Слова редкие, отчётливые – о самом главном. Кругом темень, непроглядная, густая, так что силишься что-нибудь разглядеть, а ничего не выходит, глаза будто дёгтем замазаны, только сильнее сдавливает лоб и пересыхает в горле. Тьма кромешная. И только впереди, на западе и севернее, в стороне от шоссе, полыхали резкие тусклые зарницы и зловеще трепетали над неподвижным, испуганным лесом. Там погромыхивало, будто по полю катали огромные валуны, которые иногда сталкивались, с треском и гулом крошили и раскалывали друг друга, высекая огонь.

Воронцов приподнял край брезентового тента и смотрел наружу. Яркие спокойные звёзды стояли над землёй, обещая завтра ясное утро и погожий день. Все эти дни волглая, промозглая хмарь придавливала землю, насакивал мелкий дождь, подгоняемый ветром. Потускнели деревья, ещё не сбросившие остатки своих обносившихся разноцветных одежд. Почернели штaketники и крыши домов. Глухие заборы пригорода стали походить на угрюмые неприступные крепости. И видимо, уютно, спокойно было жить за этими крепостями, куда, казалось, ни ветер не задувал, ни дождь забредать не осмеливался, ни плохие вести не приходили. Осень погружалась в свою заповедную глубину, в глушь, за которой уже не могло быть ничего, кроме тишины и оцепенения в ожидании снега. Так старая, добросовестно

отработавшая своё последнее лето, брошенная лодка медленно погружается в воду, будто врастая в неё обречёнными бортами и кормой. А вчера вдруг потеплело, подобрало капли с проводов и придорожных кустов, высушило крыши. Воронцов любил эту пору. Весна в его родном краю была, конечно же, ярче, радостней, звонче. Но ему больше нравилась осень. Ранняя, когда ещё не очень холодно. Вот такая, как теперь. Когда уже понятно, что лето прошло, но настоящие холода ещё за морями, за лесами, за синими долами, и после школы можно успеть сходить в лес...

В Подлесном, в его родном селе, в это время всегда перепахивали огороды, жгли картофельную ботву, так что дымом заволакивало всю округу и кострами пахло даже в домах. В золе, в рыхлой, шуршащей лаве прогоревших костров пекли картошку, разламывали обугленные коконы кожуры и ели белую крупяную мякоть, задыхаясь от горячего, пахучего, необыкновенно вкусного. Каждый из них съедал за вечер и пять, и десять картофелин и, казалось, наестся было невозможно. Нежным густым изумрудом зеленела отава на облогах и вдоль стёжек. Хотелось козлом припустить по этой облоге, а потом упасть и полежать в мягкой зелени, понежиться. Просёлочные дороги в полях, которые убегали из Подлесного на три стороны и исчезали, истончаясь на горизонте в прозрачные невидимые паутинки, о такую пору были уже не белыми, как летом, а чёрными от дождей и обильной росы, и они уже не пылили под копытами лошадей и под колёсами тракторов и не утомляли так сильно, как во время летней жары. Дед Евсей вставлял вторые рамы. Сёстры мыли их содой, протирали насухо, подавали деду, а потом конопатили щели тонкой, как шёлк, как их светлорусые волосы, паклей, заклеивали пазы лентами, нарезанными из газет. Уже начинали через вечер подтапливать вторую печь в белой горнице. А он на ранках или после школы ходил с ребятами в лес за волнушками и подореховками. Переходили через Ветьму по шатким ольховым кладям, углублялись в сосняк и там уже не торопились, потому что волнушки, грузди и подореховки росли повсюду, и их всегда хватало на всех. Воронцову особенно нравилось собирать волнушки. Они и солёными были хороши. Зимой, с варёной картошкой... А в сосняке розовые и белые их шляпки, обмётанные скользкими сопливыми волосками, тут и там высывались из моха, из осыпи сосновых иголок, хрустели под ногами, стоило лишь сделать неверный шаг. Теперь там тоже, видимо, траншеи... Всюду нарыли... Старшая сестра, Варя, месяц назад, когда письма оттуда ещё приходили, писала: в Подлесное и в окрестные деревни нагнали студентов из Москвы – копают противотанковые рвы. От Малоярославца, если по Варшавке, до берёзы, возле которой поворотка и где начинается просёлок на райцентр, километров около двухсот. А там до Подлесного всего-то ничего, километров, может, тридцать. Так что – двести тридцать или двести пятьдесят. От Подольска чуть больше. Но и Подольск, и Малоярославец уже остались позади. Впереди была река Изверь. От Извери – меньше. От Юхнова – совсем недалеко. Изверь... Где-то там они и должны остановиться. Остановиться и стоять.

Воронцов вздохнул. Мысли о родине и о сёстрах не успокоили его.

Яркие звёзды обещали вёдро. И вроде бы уже стало свежеть, подтягивать и подсушивать обочины дороги. Запахло дорогой. Тусклые снопы света от грузовика, идущего следом за их машиной, закручивало желтыми жгутами пыли.

Воронцов поднял голову, поискал взглядом Стожары и сразу нашёл это большое знакомое с детства созвездие, словно присыпанное известкой мелких соседних звёзд. Точно таким же оно было и над его селом. Звёзды, яркие и ещё по-летнему тёплые, стояли над землёй, качались над дорогой, будто указывая им роковой путь. Но там, впереди, за километрами дороги, в толще ночной мглы, был и дом Воронцова. И ехать в сторону дома ему было нестрашно. Там было всё знакомое, родное. И начало этому, родному, старая берёза возле шоссе, под которой он с ребятами не раз жёг костёр в ожидании попутки до Юхнова. От

берёзы до Подлесного, до его волнушек в сосняке, совсем ничего. Добежал бы за несколько часов. Дорога до того знакомая, что и с закрытыми глазами бы не заплутал.

А рота должна занять оборону на Извери. Так что до родных мест сержанта Воронцова колонна не дойдёт. Не доедет их грузовик до той, приметной его берёзы. И приказа такого нет, и враг туда уже не пустит. На Извери их ждёт какой-то отряд, в который они должны влиться и образовать некую единую силу, способную выполнить поставленную командованием задачу. Так сказал «кожаный реглан» ротному. Туда, на запад, на Изверь, ехала их шестая курсантская рота, сводный дивизион артиллерийского училища, командиры, товарищи, многих из которых он знал с самого первого дня в училище, ещё с карантина. Они везли в грузовиках укутанные брезентом пулемёты, коробки и ящики с патронами, гранатами, минами, взрывчаткой. Тащили на передках орудия. И ехали они всё же в сторону его дома, и каждая минута пути делала расстояние между Подлесным и их колонной всё меньше и меньше. Они ехали на войну, и с каждой минутой дорога до войны становилась короче.

«Как быстро мы продвигаемся, – с тоской и каким-то необычным возбуждением, какое он испытывал перед дракой, подумал Воронцов. – Как быстро... Что там с мамой и сёстрами? Успели ль они уйти? У деда больные ноги. Израненные, побитые осколками ещё в Первую мировую, в Галиции. Может, и ушли. Хотя бы куда-нибудь в лес, где можно схорониться на время. Ведь прятались же люди в лесах от набегов половцев, монголов и поляков. Уходили в лес от французов. Лес спасал, давал кров и пропитание. Может, всё же ушли. И увели с собою скот, корову Лысеню и овец. А мы эту ненавистную немчуру скоро отсюда выкинем. И будем гнать штыками до самой границы». И Воронцов нащупал рукоятку штык-ножа, висевшего на поясе, и крепко сжал её.

Колонна въехала в большое село. Воронцов успел ухватить взглядом дорожный указатель: «Ильинское». Потом разглядел часового на мосту и красноармейцев, наклонившихся возле каких-то сооружений. Бойцы что-то копали. «Видимо, окопы, – решил он. – Что сейчас могут копать бойцы?»

– Сань, ну что там видно? – толкнул его в бок курсант Алёхин, всё это время молча дремавший рядом.

– Какое-то Ильинское проезжаем. Большое село. Окопы копают.

– Окопы? Зачем тут окопы?

– Давай лучше поспим, – сказал Воронцов и опустил край брезента.

Небо сразу исчезло, пространство сузилось, и ближе, роднее стали товарищи, и Воронцов понял, что он сейчас часть их, сидевших ровными рядами по шесть человек, и, быть может, думавших о том же, – часть этой колонны, часть шестой роты, часть своей винтовки и того приказа, который днём был зачитан на плацу перед строем. Он был живой и, как ему казалось, бессмертной частью всего того, что сейчас двигалось в сторону войны. И только потом, во вторую очередь, он ощущал себя частью Подлесного, своей семьи, носившей фамилию Воронцовых и всего того, что звалось родиной.

– Уснёшь тут, – буркнул Алёхин и вздохнул.

Всем было не по себе. Сегодня, когда после обеда их роту в полном составе выстроили на плацу и командир второго батальона майор Романов, исполняющий обязанности начальника училища, зачитал приказ срочно выдвинуться в район боевых действий, их всех в первые минуты охватил какой-то жуткий восторг. Наконец-то! Они идут на передовую! На фронт! Бить врага! Уж они-то – не батальоны, наспех сформированные из профессуры, студентов и артистов московских театров, из печатников и бухгалтеров, никогда не державших в руках оружия и брошенных в бой необученными, с тремя старыми винтовками и обоймой патронов на отделение. Уж они-то дадут фашистам! Уж они-то им покажут, как по чужим землям ходить да на чужое добро зариться! Как разорять колхозы и жечь в полях хлеб! Как убивать ни в чём не повинных людей, детей и стариков! Воронцов вспомнил слова полит-

рука Киселёва. Политрук говорил правду: фашисты – не люди, и их надо уничтожать, как бешеных собак.

Воронцов пододвинул ногой приклад своей новенькой СВТ, от тряски сползшей вперёд, зажал её между ног и прикрыл отяжелевшие веки. Как и все курсанты, умевшие мгновенно превращать минуты отдыха в сон, он тут же почувствовал, как тело его сразу расслабилось, окуталось тёплой уютной истомой, а перед глазами поплыли, то ускоряя свой бег, то замедляя, уже иные, чем мгновение назад, картинки: пригорок на краю деревни, стёжка за околицу, по стёжке идёт с ведром грибов, розовых волнушек и белых груздей, их ротный старшина... Что ж тут, в его родном селе, делает старшина? Воронцов догнал его, старшина повернулся и голосом отца спросил: «Что, Санька, страшно?» И тут подошёл другой, тоже в шинели. «Иван! – закричал Воронцов. – Иван, ты дома? Почему ты дома, а не на фронте?!» Иван ничего не отвечал, он смотрел на Воронцова злобными глазами и вдруг схватил его за грудки и начал яростно трясти, что-то злобно бормоча.

– Ты что, Сань?

«Чей это голос? Откуда он зовёт?»

Воронцов с трудом разлепил глаза. Ему вдруг показалось, что он падает куда-то под колеса и что кто-то, подпихивая его туда, пытается вырвать из рук винтовку. «Иван! Держись, братка!» – закричал он или, наверное, только хотел закричать.

– Ты что, сержант?! Перепугал, чёрт!

Воронцова толкнули в спину и в бок, так что он спросонья едва не потерял равновесие и резко шатнулся в сторону, на лету подхватывая винтовку.

– Оставь его. Видать, приснилось что-нибудь. Бывает...

Отделение сразу проснулось, будто и не спало.

– Я что, кричал? – спросил Воронцов, чувствуя, как горько першит в пересохшем горле.

– Чёрт тебя побери, сержант, ты всех перепугал!

– Ещё до фронта не доехали... Тьфу!

– А нечего и спать, если на войну собрались!

Воронцову вдруг вспомнилось, что снился брат. Брат и отец. Двое.

И отец Воронцова, и старший брат Иван, отслуживший действительную три года назад в кавалерии на Дальнем Востоке, были призваны ещё в августе и воевали где-то здесь, на смоленском направлении, недалеко от дома, то ли под Вязьмой, то ли под Рославлем. От Ивана он получил несколько писем. Писал Иван и об отце. С отцом они воевали в одном взводе. Судя по названию речек, которые Иван упоминал в своих письмах, часть их какое-то время держала оборону где-то левее Варшавского шоссе. Места те тоже уже под немцем. «Значит, не удержал братка с отцом свои окопы», – подумал Воронцов, и горло его снова перехватило. В одном из первых писем Иван сообщал, что в их роте почти все из Подлесного, Вязовни, Ключика и соседних деревень, что все воюют хорошо и что двоих уже ранило. Среди раненых кузнец дядя Павлик и колхозный счетовод Пётр Иванович. Дядю Павлика ранило не особо сильно, а Петру Ивановичу оторвало ногу. И ещё Иван писал, что полк их часто перебрасывают с места на место. «Только окопаемся, обживёмся, пригреемся, соломы натаскаем, опять приказ – менять позицию, занимать оборону там-то...» Некоторые места из писем брата Воронцов помнил наизусть. От треуголок пахло войной. Однако многое в письмах было непонятно, не соответствовало его представлениям о войне, о противнике, о силе Красной Армии, а многое просто противоречило тому, чему их так тщательно обучали и что внушали как неперемённое их командиры, преподаватели и политработники. «Мужики-то в Подлесном, Ключиках и Вязовне все бывалые, – сокрушал себя Воронцов невесёлыми думами, – что ж они всё отступают да отступают? И танков, и артиллерии в августе ещё вон сколько к Рославлю ушло. Колонны день и ночь гудели, дорог не хватало. Какая ж сила там встала!» И Санька Воронцов думал, что, отучившись в пехотном училище и получив

лейтенантские кубари, он попадёт именно туда, быть может, к своим же землякам, на Десну или Верхнюю Угру. Если, конечно, немца к тому времени не прогонят за Смоленск. А теперь вдруг выяснилось, что и Западный, и Резервный фронты прорваны, вся военная мощь Красной Армии смята и опрокинута, наши дивизии бьются в окружении, а немецкие танки и мотоциклисты уже в Юхнове... Счетовод Пётр Иванович уже отвоевался. И неизвестно, что с братом и отцом.

Тяжёлый подсумок, плотно набитый обоймами с патронами, давил на живот. Воронцов хотел его поправить, сдвинуть немного правее, чтобы не мешал дышать, но сил не хватало, сон снова брал его в плен, вязал руки и ноги, и вскоре он опять забылся и, как всегда, всего на несколько минут.

Колонна вдруг остановилась. Водители, как по команде, выключили моторы и фары. Но гул не прекращался.

– Что это там, ребята? – испуганно, видно, спросонок вскрикнул кто-то из курсантов в глубине кузова.

– Что-то горит. Пожар! Это же пожар!!!

– Спокойно! – послышался твёрдый голос старшего лейтенанта Мамчича; ротный шёл вдоль колонны, направляясь в хвост, к замыкающим машинам, которые тащили орудия, туда, в кромешную, багровую черноту, перемешанную с отблесками пожара. На ходу он выкрикивал: – Всем оставаться на местах! Сейчас двинемся дальше! Через полчаса будем на месте!

– Медынь проезжаем! – крикнул кто-то из роты, пробегая мимо их грузовика в противоположную сторону.

– Медынь горит.

– А кто поджёг?

– Кто поджёг... Немец и поджёг. Бомбёжка...

Воронцов откинул потрёпанный полог брезента, пахнущего соломой и ветром дорог, и выглянул наружу. У дороги на повороте стоял седой высокий старик в чёрном старопокройном кафтане, накинутом прямо поверх исподнего. Отблески пожаров, бушевавших, казалось, по всему городу, озаряли его костистое лицо с глубоко запавшими глазами и провалившимся ртом, трясущуюся, скрюченную ладонь, которую он косо, каким-то упорным, давно заученным движением вскидывал вверх и крестил ею остановившуюся колонну невесть откуда появившегося на этой опустевшей дороге войска. Потом он зашёл вперёд и теми же размашистыми, упругими движениями стал озарять дорогу, уходившую куда-то вниз, в овраг, в чёрную непролазную темень. Видимо, там, в той стороне, за тем оврагом, и была война, и старик знал это.

– Сань! Ребята! Смотрите, у деда четыре Георгия! – восторгнулся, как легко проснувшаяся птица, курсант Алёхин.

Кресты, неровным, спотыкающимся рядом выстроившиеся на впалой груди старика, отсвечивали всё тем же кроваво-чёрным светом, которым было заполнено всё вокруг и который, казалось, проникал внутрь, в самую душу, и сковывал курсантов каким-то неведомым и жутким ожиданием. Не все они, сидевшие в затихших грузовиках, сразу поняли, не все признались себе, что ведь это и есть страх. Страх. Давно обжитое и приспособленное к повседневной солдатской жизни чувство русского человека, по необходимости бравшего в руки оружие. Тот самый страх, который воевать не мешал, но жизнь зачастую спасал... Никто уже не спал. Но все подавленно молчали, видимо, стараясь пережить своё внезапное чувство в одиночку и молча. Даже весельчак Смирнов помалкивал.

Воронцов, уже знавший, как в такие минуты можно справиться с самим собой, пристально смотрел на старика, на вишнёво поблёскивающее на его груди боевое серебро и изо всех сил старался вспомнить деда Евсея и его слова, сказанные напоследок, уже за оклицей, когда всё, казалось, было уже сказано. Дед Евсей, шедший рядом с повозкой, пере-

дал ему вожжи, подоткнул клок сена, свесившийся над колесом, и заговорил торопливо и складно, будто старинную былинку прочитал по давно припасённой им грамотке: «Война-то с германцем будет нешутейная. Ты, Санька, ворочайся ко двору целым и невредимым. Живой ворочайся, мальчик мой. Однако помни: голова на войне – дело наживное. Как только станешь её за локоть да за товарища хоронить, тут её пуля и сыщёт. Не робей! Сробел – пропал. Хуже, как боишься: лиха не минуешь, а только надрожись и товарищей смутишь. Страх будет. Куда от него денешься? Страх – зверина свирепая. И он завсегда по позициям рыскает, которого бы солдатику придавить да позабавиться им. Но знай: зверь тот не только тебя, а и неприятелей твоих давит. Придёт к твоему окопу – так ты не смигни, прямо в глаза ему и глянь. То-то и отпрянет. Назад не оглядывайся, смерть у солдата всегда за плечами. Оглядывайся на товарища. И товарища держись. Не бросай его, даже когда покажется, что край пришёл и что одному спастись легче. Тогда и он тебя, мальчик мой, николи не бросит. Ну, Санька, батька твои с братом воюют, а теперя и твой черёд пришёл. Воронцовы ни от войны, ни от неприятелей на войне не бегали. Германец, он хороший солдат, напористый да продумной, старается то хитростью одолеть, то нахрапом. А наш брат, русский человек, всё же твёрже. И знай при том, что не ты его землю заступил, а он твою. О сёстрах помни особо: ты за них идёшь. А за сестру и жизни не пожалей. Да командиров слухайся. Теперя тебе отец – командир, matka – родная земля. Она тебя и укроет, и обогреет, и оборонит от лиха. Она – твоя Богородица Заступница. А семья – товарищи. А как сам станешь командиром, солдата береги. Жалеть солдата не надобно – береги. Под пулю да на штык напрасно не суй. Тогда и он сам за тебя жизнь положит и ни пули, ни штыка не побоится. Поезжай же с богом, мальчик мой».

Откуда-то из-за машины багровой тенью выскочил ротный, сверкнул голенищами высоких офицерских сапог, взглянул на курсантов, высунувшихся из-под брезента, на старика у обочины. И тоже заметил, что старикан-то непростой. Спросил, поглядывая то на худое его лицо, то на награды:

– Когда был налёт, отец?

– Деточки мои, деточки... – шептал старик; он, казалось, не слышал слов, обращённых к нему, не видел даже подошедшего командира.

– Вы меня слышите? – громче сказал Мамчич.

– Деточки мои... – И голова старика задёргалась ещё сильнее.

– Налёт! Когда налетели самолёты?

– Деточки...

Мамчич закурил, пряча в рукав шинели огонёк папиросы, как будто здесь, в горящем городе, на который немецкие самолёты несколько часов назад выгрузили сотни бомб, этот его жест предосторожности имел какое-то значение. Но на него смотрели курсанты Шестой роты, его учебной роты, и иначе он поступить не мог.

Когда папироса засветилась, когда ясным, живым мерцающим камешком засиял её кончик и мгновенно исчез в рукаве шинели ротного, но тут же разнёсся запах табаку, перебивая всякие другие запахи, в том числе и страха, Воронцова вдруг поразила эта отстранённость папиросы от всего происходящего вокруг, её обыденное, крошечное свечение и такой же обыденный дым, пахнувший уютом и старым дедовым зипуном. Папироса ротного не была частью того ужаса, который час или два назад, когда они, быть может, только-только выезжали из Подольска, обрушился на этот явно невоенный городок. Она не была частью войны. «Вот почему он прячет её в рукав», – зачем-то подумал Воронцов. Точно так же светился огарочек и в руке деда Евсея, и в потёмках шалаша, в углу, где устраивался на ночлег брат Иван после сенокоса или очередного похода к какой-нибудь молодке, и в жёлтых пальцах отца – но там, в другой уже теперь жизни. И в это мгновение Воронцов вдруг понял, почему ротный так бережёт, так охраняет огонёк папиросы: ведь это его, Леонтия Акимовича Мам-

чича, душа мерцает, такая хрупкая и незащищенная, и она тоже трепещет, хоть и застёгнута в командирскую шинель, как в броню. Но об этом надо молчать. Как молчал о том же сержант Санька Воронцов. Как молчали и все курсанты, и офицеры, вся шестая рота.

Пожар гудел в глубине города, взрывывал иногда, будто зверя, – это обрушивались перекрытия в кирпичных домах, проваливались вовнутрь, в кипящую лаву огня, давая ему новую пищу.

Курсанты вслушивались в этот жадный рёв, и им казалось, что самолёты не улетели, что они ещё здесь, бомбят окраины города и вот-вот обнаружат и их затаившуюся колонну.

– Какого чёрта мы здесь стоим?! – послышалось в глубине кузова.

Проснулись все и напряжённо вслушивались в клёкот и рёв пожаров, в крики людей, беспомощно метавшихся вокруг горящих зданий.

– Поскорее бы отправляли.

– Да, лучше бы поскорее туда.

– Начальству виднее.

Они, мечтавшие о войне и победах, как об очередной поездке на стрельбище, где все цели заведомо определены, привычны и будут точно поражены с первых же выстрелов, – они ещё не знали, что уже через несколько часов окажутся в таком пекле, где выжившие вспомнят: эти минуты случайной остановки в горящей Медыни, эти последние минуты покоя и были теми счастливыми мгновениями тишины, тем прощальным даром последней благодати мира и покоя, которые судьба преподносит иногда идущим на смерть.

Мамчич, видимо, услышавший их разговор, заглянул под брезент и ничего не сказал. Бледные лица курсантов, озарённые багровыми отсветами, смотрели на него. Он всех их знал. Любого мог назвать по фамилии, по званию. Но он молчал. Винтовки были зажаты между колен и тоже тускло поблёскивали. На мгновение его взгляд задержался на лице Воронцова. Но и ему ротный не сказал ничего.

Мамчич не отходил от старика. Он продолжал торопливо курить.

– За что кресты, отец? – снова спросил он старика, уже не надеясь на ответ.

Пора было двигаться дальше. Мамчич посмотрел в голову колонны, где ждала его бронемашина с распахнутой дверцей, на старика с Георгиевскими крестами, на которых, как и на капотах грузовиков, играли вишнёвые с чёрными и бурыми разводами блики. Таким же вишнёвым, багрово-чёрным было и небо. Всё теперь казалось выкрашенным, пропитанным одним цветом, только этими испуганно мерцающими отблесками.

Да, пора было двигаться. Вид пожара не прибавлял Шестой роте боевого духа.

И вдруг старик посмотрел на Мамчича. Трясущаяся рука его устало опала. Он поправил свой старопокройный с глубокими сундучными складками кафтан.

– Четыреста девятым Новохопёрский гренадерский полк! – совершенно твёрдым голосом выпалил старик, выпрямляя грудь и каменея развёрнутыми плечами и подбородком. – Последний крест получен за штыковую атаку под Равой-Русской! – И вскинул к виску бледную, как помятый лист бумаги, но ещё сильную руку.

Мамчич рассеянно смотрел на старика. Он замешкался от неожиданности произошедшего, смял какое-то случайное и неподходящее, как ему показалось, слово, которого никто не расслышал, и теперь переминался с ноги на ногу и не знал, что делать дальше, как разойтись с георгиевским кавалером. Он знал, что на него смотрят курсанты и молча ждут, что будет. Мамчич бросил, затоптал папиросу и обнял старика. Курсанты замерли. Каждому из них, наблюдавшему эту сцену, казалось, что не только их ротный командир, но и он сам обнимает старика. И каждый из них чувствовал в горле и на устах те слова, которые через мгновение и произнёс, за всех них, старший лейтенант Мамчич:

– Прощай, отец. Сюда мы постараемся их не пропустить.

– Деточки вы мои милые-и... Деточки... – И старик снова затрясся всем своим ветхим телом, голос его западал, и бледная рука стала упруго вычерчивать в багровой влажной темноте косые и угловатые линии креста.

Мамчич поправил фуражку, машинально потрогал ремень и кобуру, козырнул, поклонился старцу, который, казалось, уже и не видел его, развернулся на каблуках и быстро зашагал к бронемашине.

Осталась позади горящая Медынь. Шоссе выползло из оврага и полого поворачивало на юго-запад. Впереди чернота, неизвестность.

– Стой! – приказал Мамчич водителю.

Через минуту из колонны вырвался грузовик с автоматчиками и ушёл вперёд. Нырнул в темень и мгновенно растаял, напоминая о своём существовании только удаляющимся рокотом мотора.

Спустя полчаса снова остановились. Заглушили моторы, выключили фары. Слушали ночь. Будто звери, ловили каждый звук, каждый запах, стараясь определить, где же передовая. Позади вставало, дрожало и снова опадало зарево горящей Медыни. Впереди тоже вспыхивали зарницы, гроыхало и гудело. Похоже было на артиллерийскую канонаду. Фронт. Но где он? Где та линия, за которой уже можно было ждать встречи с врагом? И существует ли она, та линия? Иногда канонада слышалась и справа, и слева. И казалось, что они уже миновали полосу обороны наших войск и теперь движутся неведомо куда, вслепую определяя свой путь. Но машина боевого охранения возвращалась, лейтенант из взвода разведки торопливо докладывал Мамчичу, и колонна снова двигалась дальше. До следующей остановки.

– Хотя бы поскорее прибыли на место.

– Где оно, то место?

– Да, братцы, хуже всего вот так: едешь, едешь, а там, куда едем, может, уже немцы...

– Хватит трепаться! – прикрикнул сержант Смирнов. – Вперёд выслана разведка.

– Давай-ка, Смирнов, что-нибудь из своего репертуара! А то народ что-то приуныл. Ты нам недавно вроде про какую-то Машку вспоминал...

Сержант завозился, закряхтел. «Сейчас что-нибудь выдаст», – подумал Воронцов с каким-то внутренним удовлетворением и тут же усомнился: неужели Смирнов способен балагурить даже в этой обстановке? Ведь вот-вот подъедем к фронту. А там – неизвестно что.

А тем временем Смирнов театрально прокашлялся и, как с эстрады, продекламировал:

Мария, увенчай мои желанья.
Моею будь – и на твоих устах
Я буду пить эдемские лобзанья.

– А дальше? Дальше трави!

– Дальше... Она ему: «Богаты вы?» Он: «Нет, сам без состоянья».

– Во тварь какая! – воспользовавшись паузой Смирнова, отметил курсант, сидевший рядом. – Он ей – про любовь, а она...

– Смирнов, дуй давай дальше.

– Дальше, ребята, только для женатых и разведённых. А у нас во взводе таковых не имеется. – И сержант Смирнов засмеялся, хлопнул по коленке сидевшего рядом курсанта; тот спросонья вскочил, ударился головой о металлическую дугу каркаса, поддерживавшего брезентовый тент, загремел винтовкой. – И здоров же ты спать, Денисенко!

– Слышь, Смирнов, – окликнули сержанта из глубины кузова, – а что такое эдемские лобзанья? Лобзанья – понятно. А вот эдемские...

– Эдем... – на мгновение задумался Смирнов, – это такая страна, где сбываются все твои желания.

– Все?! И насчёт баб тоже?

– Да, и что касается прекрасных дам, тоже.

– А, понятно, это такая фантазия внутри человека.

– Ты прав, не каждому дано создать в себе этот удивительный мир.

– Э, нет, я люблю, чтобы – реально. А так... Фантазии... Это всё равно что во сне присниться – красавица! Всё при ней. И всё вроде – как по маслу. А проснешься – и что? Только и воспоминание, что подштанники липкие.

– Надо было её за ногу держать! – подсказал курсанту кто-то из сидевших рядом.

Все сразу зашевелились. Засмеялись. Разом заговорили, перебивая друг друга и будя последних, кто проспал и остановку в Малоярославце, и пожар в Медыни, и старика с «Георгиями», и весь этот ужас ночи, всасывающий их колонну в жуткую неизвестность, и начало беседы, которая разом захватила тех, кого события этой ночи особенно не придавили. Сержанта Смирнова любили слушать все. Добродушно усмехались и покачивали головами даже те, кого байки и прибаутки сержанта порою коробили. И тут, под шумок всеобщего оживления, кто-то хрустнул сухарём.

– Шта?! – подражая старшине, рывкнул помкомвзвода старший сержант Гаврилов. Всё это время он молча сидел справа от Воронцова, возле самого борта. Казалось, он глубоко дремал. – Сухпай жрать?! Ещё до позиций не добрались! Убрать и без моего приказа к жратве не прикасаться! Сосунки! Засранцы! А в окопах что, солому жрать будете?

Гаврилов был из фронтовиков. Отступал от самого Белостока. Их кадровый полк несколько раз пытался организовать оборону, занимал позиции, контратаковал, встречным ударом опрокидывал авангарды и колонны наступавших немцев, но потом их неминуемо обходили справа и слева, сминали и отрезали тылы, рубили фланги, и снова приходилось вырываться из окружения, бросать технику, оставлять заслоны, в которые назначались самые лучшие, самые надёжные, и которые почти никогда потом не догоняли их. О судьбе их можно было только догадываться: либо погибали в непродолжительных и ожесточённых схватках, либо попадали в плен. Соседние части зачастую отходили при первом же обстреле или нажиме немцев. Никаких сведений о возможном взаимодействии от них не поступало. Делегаты, посылаемые туда, возвращались ни с чем и ничего толком пояснить о том, что же там происходит, не могли. Ни управления, ни взаимодействия. Бардак. Паника. Драп. На переправе снаряд ударит, так народ уже по головам лезет, винтовки бросает.

– Толпились, как бараны в загоне, – сказал он однажды политруку Киселёву, когда тот в курилке спросил бывальца, почему они так долго отступали. – Парторг наш говорил, что, мол, мы его, немца, в глубину нашей земли заманиваем. До Рославля вон доманили. Теперь никак не остановим.

– Вы, товарищ старший сержант, курсантам об этом, надеюсь, – ни-ни?..

Гаврилов в ответ усмехнулся:

– Я-то – ни-ни. Моё дело – этих желторотых другому учить. Но они скоро и сами всё узнают.

– Вот и пусть узнают эту правду там, на фронте. А тут, в училище... Это не будет способствовать укреплению их морального духа. Надеюсь, вы понимаете. И ещё: никому больше об этом вообще не рассказывайте. Это – дружеский совет. Человек вы искренний, иногда излишне горячий. Курсанты вас любят, преподаватели уважают. Но среди тех и других могут быть разные люди. Понимаете? Здесь ведь не фронт...

Гаврилов снова усмехнулся.

Больше политрук ни о чём его не расспрашивал. А жаль. Рассказать-то ему было что. Только рассказов этих политрук Киселев, видимо, побаивался.

Под Минском, в очередной раз выходя из окружения, Гаврилов возглавил группу прорыва. Все офицеры были убиты. А он добрался до штабной землянки, развороченной прямым попаданием снаряда, отыскал среди тел раненого комбата и вынес его. Волок на себе километров двадцать. Ничего, вынес живого. За что и имел медаль «За отвагу». Во время прорыва сам был ранен и контужен. После госпиталя попал в запасной полк. В запасном полку ему не понравилось. Плохо кормили. На кухне повальное воровство. Завшивели. Вдобавок ко всему ночью в казарме у него спёрли сапоги – подарок комбата, которому в полевом госпитале, куда он его принёс на спине, ампутировали ногу. Комбатовы сапоги, уже подбитые железными пластинками на носках и каблуках, он через два дня нашёл. И, найдя, чуть не до смерти забил их нового владельца, ефрейтора из хозвзвода, пухлого «пончика»-хлебореза, и, как потом оказалось, напрасно, потому что хлеборез их купил «по-честному» у какого-то «жигана» из другого батальона. Тот успешно приторговывал всем, чем можно: шмотками, трофейными вещами – в запасном полку в основном кантовались ребята бывалые, фронтовики, попавшие сюда либо из госпиталей, либо из разбитых и расформированных частей, – консервами, самогоном, и даже, поговаривали, тот кручёный шустрик с золотыми фиксами за хорошие деньги или добротные вещи мог устроить свидание с женщиной. У него, как рассказывали бывалые люди, уже имевшие с ним деликатное дело, в кармане рядом с красноармейской книжкой лежала целая колода фотокарточек, и можно было выбрать любую – помоложе, постарше, беленькую, смугленькую... У него для предоставления этого вида услуг и каморка где-то была, прямо на территории части. Одним словом, кому война, а кому мать родна.

Гаврилов, видя такое дело, начал проситься на фронт. Подал рапорт. Но вместо фронта его вызвали в санчасть, посмотрели в рот, смерили рост, загадочно постучали там, тут, что-то записали, полистали прежние записи и выдали направление – в офицерское училище. На фронте не хватало командиров взводов. Лейтенанты на войне жили недолго. Две-три хорошие атаки, и взводный – либо убит, либо, если повезло, в госпитале. Это Гаврилов знал точно. Вот так он и оказался в Подольском пехотно-пулемётном училище.

Рота, в которую его зачислили, в то время находилась в летнем лагере «Лужки» под Серпуховом. В училище ему вначале понравилось: порядок, дисциплина, всё расписано по минутам, безобразничать и неуставными делами заниматься некогда, каждое воскресенье – баня, нигде ни вошки, ни блошки, пайки в столовой большие, каша наваристая, чай горячий и не пахнет луком. Однако и тут он вскоре начал маяться. Бесконечные часы учёбы, учёбы, учёбы. Стрельба по фанерным «фашистам» и тыканье штыком набитого соломой мешка с пришитой и всегда валившейся набок «головой», пока, по его приказу, в манекен не вставили штaketину. И во всём этом должен был участвовать и он, старший сержант Гаврилов, повидавший эти манекены живыми... Но особенно не любил он книжную науку. Она давалась ему с таким трудом, что начинала болеть голова, словно возвращалась контузия. Он нервничал, ломал карандаши. Мучительно ждал конца очередного часа занятий, чтобы уйти в курилку и расстегнуть там крючок гимнастёрки, насладиться папиросой и мечтой поскорее отделаться от всей этой манной каши...

Однако учиться теории управления взводом и ротой в стрелковом бою ему пришлось недолго. «Манная каша» окончилась совершенно неожиданно. Немцы стремительно продвигались в глубь страны, к Москве. Под Ельней и Ярцевом по линии реки Десны их остановили, но, как оказалось, ненадолго. Корпуса и армии группы «Центр» сделали перегруппировку, пополнились свежими, прибывшими из Германии и Франции, дивизиями, усилились за счёт корпусов, переброшенных сюда с северных участков фронта, с Валдайских высот и Лядоги, и 30 сентября всю свою накопленную силу обрушили на оборону наших армий, прикрывавших московское, орловское, брянское, калининское направления, сразу в нескольких местах прорвали фронт и начали стремительное продвижение на восток. Танковые и мотори-

зованные колонны за один переход покрывали десятки километров по опустевшим шоссе и большакам, не встречая почти никакого сопротивления. Иногда взвод или рота красноармейцев вставала на их пути. Бойцы, привстав из наспех отрытых окопчиков, делали несколько залпов из винтовок, одиночный пулемёт выстреливал две-три ленты. И тогда, будто изумлённая неожиданным сопротивлением, колонна останавливалась, высылала вперёд несколько танков и бронетранспортёров с пехотой. Миномёты и орудия открывали бешеный огонь. После чего танки и автоматчики проходили по дымящимся воронкам, добивали уцелевших смельчаков, забрасывали гранатами последние окопы, которые всё ещё продолжали вести огонь, подбирали раненых, оглушённых и контуженых. Из них тут же формировали колонны, и те колонны, уже не похожие на войска, которые способны держать в руках оружие и сражаться, под присмотром немногочисленного конвоя гнали в тыл. Мотоциклетные батальоны и спецподразделения авангардов, стремительно прорываясь вперёд, дерзко орудовали в ближнем тылу наших частей, захватывали мосты и армейские склады, предмостные укрепления и плотины, перекрёстки важнейших дорог и магистралей, железнодорожные станции и стрелки, которые впопыхах не успевали взорвать отступающие, наводили панику и удерживали объекты до прихода своих танков. Так началась гигантская по своим масштабам операция, получившая в немецких штабах кодовое название «Тайфун». К Москве одновременно вдоль нескольких магистралей по сходящимся направлениям двигались 2-я, 4-я и 9-я полевые армии, а также 2-я и 4-я танковые группы. Армейская группа, которую в это время возглавлял фельдмаршал Фёдор фон Бок, располагала лучшими силами вермахта, СС и охранных подразделений.

По оси Варшавского шоссе, которое в немецких штабах рассматривалось как наикратчайший путь на Москву, двигались 57-й и 10-й танковые корпуса, а в качестве их авангарда – части дивизии СС «Дас Рейх» под командованием генерал-лейтенанта Пауля Хаусера. Именно эсэсовцы этой элитной дивизии, одетые в камуфляжную униформу, первыми ворвались в Юхнов и вышли к мосту через Угру. Именно «древесные лягушки» (прозвище, которое им дали простые солдаты-армейцы за особую униформу) наводили «новый» порядок в Юхнове. Они захватили аэродром. Подавили последние очаги сопротивления группы комиссара Жабенко. А потом здесь же, в городе, устроили концлагерь для пленных красноармейцев.

Немецкие колонны двигались на Москву по шоссе и большакам. А параллельно им, по лесам и болотам, по разбитым просёлкам и коровьими тропами шли другие колонны – отступающих дивизий и полков Красной Армии. Шли части, остатки частей, потерявших свои фланги, командиров и связь со штабами. Шли отряды, остатки полков и батальонов, сбитых со своих позиций массированными танковыми атаками и налётами авиации. Шли, огрызаясь отчаянными контратаками, в которых теряли последние орудия, последние танки и лучших бойцов и командиров. Шли, гонимые вражьей силой и страхом. Шли, потерявшие веру в то, что железную немецкую машину можно остановить, застопорить движение её громадного, хорошо отлаженного механизма.

Старший сержант Гаврилов сразу понял, что снова наступает его час. С курсантами он не церемонился, при малейшей оплошности называл их «засранцами», «маменькиными сынками» и до седьмого пота гонял по полигону. Особенно усердно помкомвзвода нажимал на рытьё окопов и на стрельбу по фанерным мишеням. Манная каша заканчивалась, он это чувствовал чутьём фронтовика, и теперь каждый новый день очередных занятий он встречал спокойно, понимая, что завтрашний, возможно, будет уже другим. Часами отрабатывал с курсантами приёмы штыкового и рукопашного боя. После занятий второго взвода исколотые штыками и избитые прикладами, соломенные манекены приходилось всегда основательно чинить. Строевые занятия Гаврилов откровенно не любил и не старался этого скрывать. Считал, что все эти «приставить ногу», «направо – бегом – марш», «налево – кругом»

и прочее – пустая трата времени, тем более сейчас, когда немец рвётся к Москве. Может, потому, что сам он был не особенно силен в строевом искусстве. К тому же побаливала раненая нога. Однако по привычке исполнять требования воинского устава в полной мере он и на плацу не давал курсантам спуска.

– Ш-шир-ре шаг! Носок тянуть! Носок! А-раз-двэ! А-раз-двэ! За-певай!

И взвод, рубя чёткий шаг, запевал строевую песню. Пели с удовольствием, потому что знали: после хорошего прохождения с песней помкомвзвода обязательно, в качестве поощрения, объявит десятиминутный перекур.

На полигоне же второй взвод шестой роты изрыл, наверное, каждый сантиметр. Но курсанты на своего неутомимого помкомвзвода не обижались, знали, что старший сержант – человек хоть и грубоватый на слово, но без дела не рявкнет, да и медаль, боевая награда, равную которой в училище имели немногие, внушала уважение. И каждый из них втайне мечтал в первых же боях заслужить такую же – из чистого серебра, с порядковым номером на обороте, который принадлежит только тебе одному, и надписью красными эмалевыми буквами: «За отвагу».

– Стреляйте, сучата, лучше! – рычал он на огневом рубеже на свои отделения – Иначе мишенями будете вы! Немецкая винтовка образца тысяча девятьсот сорокового года, калибр семь-девяносто два, ёмкость магазина пять патронов, шестой в стволе, бьёт прицельно на тысячу метров. А стрелки они хорошие! По живым мишеням стреляют с тридцать девятого года! Всё понятно?

– Так точно! – хором отвечали курсанты.

Курсантом себя Гаврилов не считал. Не представлял себя и офицером. Ему вполне нравилось быть сержантом. Старый солдат, он чувствовал организм войны, внимательно слушал все сводки и разговоры офицеров, и понимал, что научить этих ребят стрелять гораздо полезнее всего остального, всех этих премудростей тактики и стратегии, что, скорее всего, вся их учёба закончится недалеко от училища обыкновенном месиловкой с ближней дистанции. Такое он не раз наблюдал под Белостоком и Минском, когда в бой бросали последние резервы. В последние минуты всем раздавали винтовки, даже тем, кто и стрелять-то не умел.

Командир второго взвода лейтенант Ботвинский своим первым помощником был вполне доволен, закрывал глаза на некоторые неуставные вольности Гаврилова, считая их проблемой поправимой, и не раз намекал ротному о том, чтобы старшего сержанта зачислили в постоянный штат училища. Гаврилов об этом ничего не знал, но настроение лейтенанта чувствовал и старался вести себя так, чтобы как можно меньше соответствовать высоким морально-нравственным и уставным требованиям офицерского училища. Курсанты порою подшучивали над помкомвзвода, терпеливо сносили все его шутки и сержантские подвохи. Любили повторять его присловья и наставления вроде: «Передовая кухней не пахнет – дерьмом и порохом! Запомните это, засранцы!» или: «Не понял команды? А зачем тебе руки и ноги?»

К сержантам он относился по-товарищески. Хотя видел в них тех же курсантов. И с удовольствием наблюдал, как командиры отделений дублируют его команды, подгоняя людей и выравнивая таким образом строй или цепь.

Вот и сейчас курсанты затихли, прекратили возню и лишь иногда прыскали сдержанным смешком, как в школе на уроке старого учителя, которого в прошлом они знали строгим и непреклонным.

– Проверить наличие вверенного вам оружия и шанцевого инструмента! – снова рявкнул Гаврилов, чтобы забить последний гвоздь; что и говорить, умел, умел сказать помкомвзвода в нужный момент нужное слово, и иной раз это у него получалось не хуже, чем у политрука Киселева. – Денисенко!

– Здесь я, товарищ старший сержант! – тут же отозвался курсант, сидевший рядом с сержантом Смирновым.

– Здесь ты... – передразнил его Гаврилов. – Ну что ты будешь делать! Затвор-то на этот раз на месте? Не потерял?

– Так точно, товарищ старший сержант! – отчеканил курсант.

– Что «так точно»? «Так точно» – потерял? Или «так точно» – на месте?

– На месте. Винтовка-то новая, товарищ старший сержант. Ладно сидит затвор. И всё снаряжение в полном порядке, – весело и пространно, под общий смех товарищей, доложил курсант Денисенко и так же весело добавил: – Разрешите продолжать службу?

– Продолжай. Пока спится. Да сильно не храпи.

– Да нет, я не сильно, я потихонечку.

– Эх, Денисенко!.. – усмехнулся Гаврилов, хотел что-то сказать, но передумал.

Гаврилов вспомнил курьёзный случай, приключившийся с этим незадачливым курсантом. Всегда с ним что-нибудь приключалось несуразное... Когда взвод отрабатывал движение в цепи, из винтовки Денисенко каким-то образом выпал затвор. Старенькие учебные винтовки системы Мосина образца 1891/1930 года, некогда добротные сработанные на Тульской оружейном заводе, были уже порядком изношены. Не одно поколение курсантов, добросовестно овладевая ратным делом, холило и грело эту винтовку теплом своего тела, лежало с нею в обнимку на огневом рубеже, стояло в карауле в дождь и в снег. Ободренные, подбитые железной полосой приклады, потёртые, замахившиеся ремни, разболтанные и погнутые штыки. Но чтобы потерять затвор... Теряли патроны, пустые обоймы, теряли пуговицы с шинелей и гимнастёрок. Но затвор... Это надо было всё же умуудриться! Спыхватились, когда надо было возвращаться в казарму, на ужин. Уже закончили занятия. Вытряхнули шинели. Счистили пучками травы глину с сапог. Построились. «Проверить оружие!» Ничего особенного, обычная команда перед тем, как строем и с песней отправиться в казарму, а там на ужин. Но шеренга вдруг загудела, задвигалась. Курсанты оглядывались по сторонам, перепуганными взглядами шарили по истоптанной земле. «В чём дело?» – «Товарищ старший сержант, у меня... это... как его... затвора нетути». Перед Гавриловым стоял выступивший из строя вот этот самый, недошлый, одним словом – курсант Денисенко. Долговязый, нескладный. Форму курсантскую носить так и не научился. Вечно у него всё висело, высывалось, моталось. Стоял перед строем, бледный, и тонкие его ноги, торчавшие из раструбов сапог, дрожали. Некоторое время Гаврилов смотрел на раззявленный паз винтовки, на незатворённый патронник, на подобранные и заведённые под ремень полы шинели курсанта, отчего тот, и без того нелепый, походил на какую-то более нелепую птицу, на широкие раструбы его сапог, на дрожащие галифе, выше голенищ небрежно изгвазданные сапожной ваксой. Он знал цену этой дрожи в коленках. Ругаться, топтать ногами было бессмысленно. Гаврилов развернул взвод в цепь и – вперёд, на карачках... Перерыли всю землю, обшарили все окопы и траншеи. Нашли. Нашли-таки злополучный тот затвор от винтовки курсанта Денисенко. На ужин опоздали. И ротному о происшествии пришлось доложить. Но дальше старшего лейтенанта Мамчича дело не пошло. Потому что, если бы пошло... Не миновать бы парню особого отдела, а там, глядишь, по законам-то военного времени... Училище уже переходило на сокращённые программы, готовя ускоренный выпуск командиров взводов, которых так не хватало на передовой.

– Пусть уйдёт на фронт офицером, – сказал Мамчич Ботвинскому и Гаврилову. – А там – как судьба положит. Наша задача – сделать из него среднего командира взвода.

Но вышло так, что на фронт шестая рота отправилась не в офицерских петлицах и новеньких портупелях через плечо, о которых мечтали все с первого месяца обучения, не впереди стрелковых взводов, а в составе их. И значительно раньше...

Разговор о женщинах даром не прошёл. Молодое брало своё в этих сильных, здоровых людях.

– Эх, ребя, а вот у меня дивчина была! – вздохнул вдруг курсант из первого отделения. – О-о! Косу как расплетёт, волосы распустит – и спины не видать. Грудя – во!

– Да это ты не про тётку ли свою рассказываешь, Ванюх? А, парень?

– Про какую ещё тётку! Говорю вам, невеста была. Таня. Теперь за другого замуж пойдёт. – Курсант вздохнул, но большой печали в его вздохе не было. – А до войны Таня была моя.

– В каком смысле? Невеста, что ль?

– Ну да, вроде как она самая. Невеста.

– Так зачем же ты всем про свою невесту рассказываешь, трепло!

– А, теперь всё едино. Теперь мне её не жалко. Уже месяц писем не пишет. Брат сообщил, что к Тане моей гармонист, Сёмка, мелодию подобрал. А если так, то... Все ребята наши на фронт ушли, а Сёмка – белобилетник. У них в роду никто в армии не служил. Ему сейчас там лафа. Таню выбрал.

– Гад он, твой гармонист, – сказал Алёхин.

Денисенко тоже встрепенулся:

– Как же это так, Ванюх? Война же идёт! Какая может быть гармонь? Что у вас за деревня такая? Несознательная какая-то.

– Деревня хорошая. Весёлая, – мечтательно продолжал Ванюха. – Журавлихой называется. Шестьдесят семь дворов. Девки, главное дело, все гладкие, справные. Яблоками пахнут.

– Какими ещё яблоками? Девка она и есть девка. Девкой и пахнет.

– Нет, – спокойно и уверенно возразил курсант, – наши, журавлихинские, яблоком пахнут. Точно говорю вам. Ребя, а что, живы будем, айда ко мне в Журавлиху! От Подольска недалеко. На поезде меньше суток.

– Девки твоих нюхать? Или гармонисту морду бить?

– Да ну его. В Журавлихе и без Таньки девки много. Невест себе выберете любых. Точно говорю вам.

– Девки, братцы, везде хорошие. Только не про нас они...

А сержант Смирнов вдруг пропел фальшивым голосом:

Гармонист, гармонист,

Положи меня под низ.

А я встану погляжу,

Хорошо ли я лежу.

– Пошёл ты к чёрту, сержант, со своим похабством!

Некоторое время ехали молча. Слушали, как гудит мотор и гремят внизу колёса. Иногда грузовик притормаживал, что-то объезжал.

– Что там такое?

– Воронки. Вон, посмотрите, свеженькие.

– Обстрел? Или бомбёжка?

– Какая разница...

– Большая. Если обстрел, то, значит, германы рядом.

– Может, и рядом.

– Да, ребя, хорошо было до войны...

И Воронцова кольнуло это «до войны», произнесённое уже не раз за последние дни. Видать, прав был, дед Евсей: германца скоро не одолеть. Вон он как прёт. Фронт прорвал

на всю глубину. Сколько ж у него танков и самолётов, если наши такой силой не смогли остановить его? Если на Десне его не удержали, то что против него мы? На какой-то речке, которую не только танки, но и куры вброд, должно быть, переходят, гузку не замочив. Но об этом лучше помалкивать...

Курсанты уже и не пытались дремать. Постукивали подошвами сапог и прикладами новеньких СВТ по деревянному настилу кузова, ощупывали подсумки и штык-ножи в металлических ножнах на ремнях, поглаживали вещмешки, в которых лежали кое-какие личные вещи: смена тёплого белья, комплект запасных портянок, вафельное полотенце – всё новенькое, выданное старшиною прямо со склада. Там же на самом дне лежали пакеты с сухим пайком. Так, продукты снизу, приказал уложить ранцы помкомвзвода Гаврилов. Теперь они поняли, почему.

Полевой кухни у шестой роты не было. Обещали прислать следом. Будет ли она, кухня? Будет ли горячая каша и кипяток для чая? А сухпай – вот он, в ранце, пощупать можно, погладить, понюхать.

Самозарядные винтовки им выдали совсем недавно. К ним курсанты ещё и привыкнуть как следует не успели. Когда в затворный механизм попадала земля, самозарядки частенько заклинивало. Так что обращения они требовали более нежного, чем старушки с четырёхгранными штыками. Но из новеньких самозарядок взвод палил всё же гуще, веселее, и пули скорее сметали мишени.

Неожиданно грузовик замедлил движение, водитель переключился на пониженную, а вскоре и вовсе притормозил и свернул на обочину. Машину встряхнуло раз-другой на булыжниках, и она остановилась. Мотор заглох. Фары погасли. Мимо в кромешной тьме пробежал вестовой.

– Выходи строиться! – выкрикивал он, стуча по бортам черенком малой сапёрной лопаты.

– Ну, вот и прибыли на войну.

– Наконец-то.

– А где война-то?

– А ну, давай, засранцы, пошустрей! Ничего не забывать!

Стали торопливо выпрыгивать наружу. Загребели сапогами по булыжной дороге. Кто-то неосторожно уронил винтовку.

– Оружие беречь! Разоспались, сучата!

– Ничего не видать...

– Это ж что, братцы, и есть передовая? А где германы? Разбежались, что ли?

– Передовая, а не стреляют. Почему не стреляют?

– Погоди. Не стреляют... Настреляешься.

– Это так. Не спеши, коза, все волки твои будут.

– А говорят, немец ночью не воюет? Так ли, товарищ старший сержант?

– Прекратить разговоры!

Воронцов спрыгнул на дорогу, придержал на весу винтовку и подсумки с патронами. Ноги затекли и заоченели. Многим хотелось сразу же справить маленькую нужду. Но кустов нигде поблизости не наблюдалось. Да и команды на это не было. Значит, сразу куда-то погонят.

– Становись!

– Первый взвод!..

– Второй взвод!..

– Третий!..

– Проверить наличие оружия! Подсумки! Каски! Сапёрные лопаты!

Лейтенанты и сержанты наперебой подавали команды, строили своих людей, проводили перекличку.

Воронцов занял привычное место в строю, посмотрел на левый фланг. Звёзды сияли так ярко, что можно было разглядеть лицо третьего человека. Третьим в строю стоял пулемётчик Селиванов. А дальше, четвёртым, должен был стоять его второй номер – Краснов.

Возле бронемашин ходили Мамчич и начальник штаба передового отряда капитан Чельшев с какими-то незнакомыми людьми в бушлатах и лётных куртках. По их поведению и возгласам было понятно, что курсантский отряд с орудиями они ждали давно. В темноте поблёскивали то стволы короткоствольных трофейных автоматов, то длинные плоские рожки, то белые повязки бинтов. Эти люди не были похожи на бойцов регулярных частей РККА, какие всё лето шли и ехали по большаку к фронту мимо Подлесного. Но воевали здесь и удерживали фронт именно они, непохожие на бойцов и командиров. И кто там, среди них, был командир, а кто простой боец, тоже понять было нельзя.

«Они что, раненых не отправляют в тыл?» – подумал Воронцов.

Это были авиадесантники из диверсионного отряда капитана Старчака, та самая группа Старчака, о которой во время короткой остановки в Малоярославце говорил «кожаный реглан».

Старчак едва успел вывести своих людей из Юхнова. К группе десантников пристало подразделение охраны Юхновского аэродрома, а также несколько десятков бойцов комендатуры и различных служб гарнизона. Чуть позже присоединились остатки отряда полкового комиссара Жабенко. Несколько малочисленных групп и одиночки, отбившиеся во время схватки и отхода, все, кто уцелел после ближнего боя с «древесными лягушками».

А произошло здесь вот что.

4 октября 269-й батальон аэродромного обслуживания заканчивал эвакуацию материальной части аэродрома Емельяновка. Одна из его групп неожиданно столкнулась с немецкой разведкой. «Древесные лягушки» вышли из сосняка, гуськом пробежали вдоль огородов и скрылись в зарослях ивняка. Всё произошло так быстро, что бойцы некоторое время молча наблюдали за пробежкой немцев, а потом, когда за теми уже сомкнулись ветви кустарника, открыли беспорядочную стрельбу из винтовок. «Лягушки» ответили несколькими автоматными очередями, тоже наугад. Произошло это на юго-западной окраине Юхнова. К тому времени уже было известно, что под Рославлем немцы прорвали нашу оборону, что колонны их движутся по Варшавскому шоссе сюда, к Юхнову, но что они здесь появятся так скоро, было полной неожиданностью. В тот же день комиссар Жабенко сформировал отряд, расположил его у шоссе. Ждать пришлось недолго. Вскоре на дороге показалась колонна мотоциклистов. Бой длился больше двух часов. Немцы подвезли миномёты и после интенсивного обстрела обошли оборонявшихся с флангов. К Угре из двух рот пробившись не больше тридцати человек. Многие были ранены. Мост через Угру в то время охраняли десантники. Они заминировали несколько опор и ждали приказа привести взрывное устройство в действие. По шоссе мимо деревушки к мосту всё время подходили и подходили отступавшие, беженцы, одиночки и группы по два-три человека. Некоторые вели раненых товарищей. Подождали, когда перейдут на левый берег остатки сводного отряда Жабенко, и взорвали мост. Таким образом бойцы, ушедшие из Юхнова, влились в другое сводное боевое подразделение. Так родился миф о «батальоне Старчака». В архивах Министерства обороны историки разыскали приказ по 23-й авиационной бомбардировочной дивизии от 25 сентября 1941 года, в котором говорится: «В соответствии с Приказом войскам Западного фронта от 19 сентября 1941 г. при дивизии сформировать отдельный парашютно-десантный батальон. Батальону дислоцироваться в г. Юхнов при 1-м тяжёлом авиаполку...»

Приказ по дивизии был, но батальона не было.

В последних числах сентября и в начале октября в Юхнов прибывали люди – кандидаты в батальон специального назначения. Принимались во вновь формируемое подразделение не все. Отбор был строгим. Батальон Старчака был сформирован на треть, когда немцы ворвались в Юхнов и напали на близлежащие аэродромы, склады с имуществом, горючим и боеприпасами. Не всё удалось эвакуировать и уничтожить.

У Старчака к тому времени был отряд. Основу его составляли действительно авиадесантники, а точнее, бойцы диверсионных групп, в основном бывшие пограничники. Бывалые воины, за плечами которых сотни прыжков с парашютом, десятки рейдов в немецкий тыл, взорванные мосты, уничтоженные штабные машины, работа по сбору разведданных, корректировка авиационных налётов. Во время летних боёв группы понесли большие потери. Некоторые из них погибли целиком. В Юхнове Старчак, согласно приказу от 25 сентября 1941 года, должен был пополнить их, а также создать новые из только что прибывшего пополнения. Обучить азам диверсионной работы. Потому что на основательное обучение времени не оставалось. Спецподразделение развёртывалось в батальон. Пополнение поступало самое пёстрое. Из пограничных отрядов, отступавших от самой границы. Из числа сотрудников НКВД, имевших опыт диверсионной работы. Спортсмены, специалисты радиодела, сапёры-подрывники, полковые и дивизионные разведчики, не раз переходившие линию фронта с различными заданиями. Прибыли две группы комсомольцев: одна из города Кольчугина, а другая была собрана здесь, в Юхнове. Весь этот разношёрстный состав по ускоренной программе обучался парашютному делу, стрельбе из различных видов оружия, в том числе из трофейного, рукопашному бою, действиям малыми группами и в одиночку.

И когда сапёрные подразделения дивизии «Дас Рейх» и приданный ему взвод из состава полка специального назначения «Бранденбург-800» смели с Варшавского шоссе стрелков сводного отряда комиссара Жабенко, ворвались в оставленный войсками город и, уже не предполагая впереди никаких помех для успешного продвижения вперёд, вышли к мосту через Угру, их встретил такой шквал огня, что они, потеряв немало убитыми и ранеными, вынуждены были отойти назад. В ближнем бою, когда невозможно применение ни пушек, ни миномётов, когда уже нельзя атаковать под прикрытием танков и бронетранспортёров, когда противник находился на расстоянии верного пистолетного выстрела, отряд Старчака дрался не хуже вышколенных, готовых, если надо, идти напролом «древесных лягушек» и осторожных, но дерзких и хладнокровных «бранденбуржцев».

Потери несли обе стороны. За сутки почти непрерывного боя на Угре, а затем во время прорыва на новый рубеж, к Извери, отряд Старчака потерял убитыми и ранеными почти половину своего первоначального состава. Кольчугинских добровольцев и бойцов Юхновского истребительного отряда не успели экипировать, и они воевали в гражданском, в чём прибыли сюда из дому.

Остававшиеся в строю вздохнули с облегчением, когда ночью подошло подкрепление. В темноте колонна грузовиков, прибывших из Подольска, казалась огромной, нескончаемой, и хвост её терялся в лесу, быть может, под самым Мятлевым. Ведь это подкрепление им прислала сюда сама Москва, и оно, так казалось десанникам, просто не может быть малочисленным, а значит, бессмысленным. И десантники, несмотря на усталость минувшего дня, сразу же кинулись помогать курсантам разгружать ящики со снарядами и патронами. Переносили к мосту и бродам противотанковые мины – деревянные контейнеры, наполненные тротилом. (Фронтовики их прозвали «детскими гробиками». Если на этот гробик наезжал немецкий танк или бронетранспортёр, его раскалывало пополам. Тяжёлый грузовик размывало по обочинам, и горе тому, кто находился в это время в кабине или кузове.) Бережно снимали с кузовов пулемёты, коробки с лентами и несли на позиции. Закатывали в березняк и маскировали орудия.

Прибывшее войско оказалось всё же немногочисленным. Но, с артиллерией и крупнокалиберными пулемётами, с большим боекомплектom и обеспеченным тылом, это было уже – войско, внушавшее силу, уверенность и надежду.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»
«Командование группы армий “Центр”»
Оперативный отдел, № 1620/41
Секретный документ командования
Штаб группы армий
26.9.1941
15 экз., экз. № 2

Секретный документ командования!
Документ командующего
Передавать только через офицера!
Приказ по группе армий на наступление
После сурового ожидания группа армий переходит в наступление.

4-я армия с подчинённой ей 4-й танковой группой переходит в наступление, сосредоточив главные силы по обе стороны шоссе Рославль – Москва. Добившись прорыва, армия поворачивает крупными силами на автостраду Смоленск – Москва по обе стороны Вязьмы, прикрываясь с востока.

9-я армия с подчинённой ей 3-й танковой группой прорывает позиции противника между автострадой и районом вокруг Белой и пробивается до ж. д. Вязьма – Ржев. Главный удар наносить пехотными частями и поддерживающими их моточастями в направлении Холм. Предполагается поворот на восток у верхнего течения Днепра в направлении автострады у Вязьмы и западнее её, прикрываясь с востока. Обеспечить наступление армии на северном фланге. Дорогу через Еткино на Белой предусмотреть для нашего подвоза.

На внутренних флангах 4-й и 9-й армий между районом Ельня и автострадой имитировать наступление, пока оно не будет предпринято позже, и по возможности сковать противника путём отдельных атак с ограниченными целями.

2-я армия прикрывает северный фланг 4-й армии. Она для этого прорывает позицию на Десне с основным ударом на своем северном фланге и наступает в направлении Сухиничи – Мещовск. Обеспечить армию от действия противника из гор. Брянск-Орджоникидзеград. Использовать возможность захватить город, особенно ж.-д. пути и переходы, не обращая внимания на линию разграничения с 2-й танковой группой.

2-я танковая группа – предположительно за 2 дня до наступления армии – наступает через линию Орел – Брянск. Правый фланг примыкает к Свопе и участку Оки, левый фланг наступает на позицию по Десне с юга и ликвидирует противника в дуге Десны, взаимодействуя с 2-армией.

Разграничительные линии (...).

Группа армий “Юг” выдвигает свой северный фланг (6-я армия) на восток севернее Харькова. Группа армий “Север” прикрывает 16-й армии линию группа озер сев. Желанье – Ильмень.

Усиленный 2-й воздушный флот разбивает русскую авиацию перед фронтом группы армий “Центр” и всеми средствами поддерживает наступление армий и танковых групп.

Перед лицом этих задач бомбёжки Москвы должны отойти на второй план и будут возобновлены только тогда, когда это разрешит наземная обстановка. Для того, чтобы затруднить противнику подвоз снабжения и свежих сил, ж.-д. линии на восток от линии Брянск – Вязьма – Ржев постоянно подвергать налётам.

День и час наступления я укажу в соответствии с отданными мною 24.9 распоряжениями командующим армий и других соединений.

Подписал: фон Бок».

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер накануне событий, о которых повествуется в этой книге, а именно 5 октября 1941 года, записал в своём «Военном дневнике»: «Сражение на фронте армий “Центр” принимает всё более классический характер... Танковая группа Гёпнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы Гёпнера, за которым следует 57-й моторизованный корпус... противника больше нет...»

В эти же дни член Военного Совета Московского военного округа РККА генерал-лейтенант К.Ф. Телегин записал: «Главная наша надежда и опора в эти часы – Подольские училища... Всё это – цвет нашей армии, завтрашние командиры, комиссары, политруки, фронт в них крайне нуждается, ждёт. Однако... они рядовыми бойцами с винтовками в руках...»

Из книги немецкого генерала Ф.В. фон Меллентина «Танковые сражения 1939–1945»: «Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан, и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принёс бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы поражённой в самое сердце, ибо обстановка в 1941 году значительно отличалась от той, которая была в 1812 году. Москва уже не являлась столицей по существу бесформенного государства, стоящего на низкой ступени развития, а представляла собой звено административной машины Сталина, важный промышленный район, а также – что имело, пожалуй, решающее значение – была центром всей железнодорожной системы европейской части России».

Глава вторая

Первая атака

Ещё не рассвело, когда они рассредоточились у деревни Воронки. Из грузовиков, припаркованных в недалеком березняке и тщательно замаскированных, принесли несколько ящиков, и старшина роздал курсантам гранаты. Каждому досталось по две. Пулемётчики получили по несколько запасных дисков и коробок с лентами. Артиллеристы заняли позиции у шоссе. Старшему лейтенанту Носову было приказано одну из «сорокапяток» своей батареи выкатить на прямую наводку и тщательно замаскировать, чтобы орудие не только в бинокль, но и с двух шагов разглядеть было невозможно.

В расчёте этой дежурной «сорокапятки» были трое друзей – Алексей Хозяинов, Константин Вертелин, и Михаил Сапожников. В июне они праздновали выпускные экзамены в школе, а через три дня пришли в подольский военкомат проситься на фронт. В военкомате им дали направление в Подольское артиллерийское училище. Расчёт должен был двигаться вместе с пехотой, поддерживать её огнём. Им выпала самая сложная задача. Одно дело – вести огонь с закрытых позиций, по сути дела, из тыла, из-за спин стрелковых взводов, а другое – действовать непосредственно из окопов этих взводов.

Другие орудия дивизиона разместили в глубине. Подготовили запасные позиции. Артиллерийские взводы обеих батарей должны были продвигаться уступами, прикрывая огнём и пехоту, и соседние расчёты. Так же, уступами, используя промежуточные позиции, они должны были действовать и в случае отхода.

– Какие у них силы? – спросил Мамчич Старчака. – Кто перед нами?

– Немцы, – неопределённо усмехнулся Старчак. – Те самые, которые турнули нас из Юхнова.

Мамчич выглянул из окопа, прислушался. За Изверью было тихо. Речка неширокая, но довольно глубокая. Правее дороги и моста омуты, левее – каменистый перекат. Слышно, как вода с тихим плеском гуляет по камням. Берега заросли ольхами и ивняком. Здесь траншея тянулась по гребню берега над обрывом. Прямо под обрывом – мост. Настил и дорога белели в темноте накатанными колеями, словно два Млечных Пути.

– Хорошо, что мост не взорвали. Если удастся продвинуться вперёд, легче будет перебрасывать туда орудия.

– Мост заминирован, – отозвался из темноты Старчак. – Взорвать всегда успеем. У меня там пост. Двое надёжных ребят. Если что, от моста и свай не останется.

– Леонтий Акимович, – шевельнулся рядом с Мамчицем капитан Россиков, – я вот что предлагаю: один взвод второй батареи надо оставить здесь. И обязательно выставить боевое охранение с той стороны деревни. На случай, если попытаются обойти.

– Боевое охранение выставлено. Три группы с пулемётами. – Старчак устало опустил на дно окопа, закурил.

– Нужна разведка, – вдруг сказал Мамчич. – Без разведки я свою роту в бой не поведу. Где немцы, какие у них силы...

– Что, ротный, – усмехнулся Старчак, посвечивая со дна окопа угольком папиросы, – не уверен в своей молодёжи? Ничего. Умели бы двигаться в цепи и не боялись бы бросать гранаты. Если атака пройдёт хорошо, оставшиеся в живых сразу же почувствуют себя героями. Это как в любви – только начать, а там само пойдёт.

– Ты меня, товарищ капитан, не агитируй. Я их должен был учить на полигоне, а не здесь. Все они – будущие командиры. И каждый из них знает, что командир, разрабатывающий операцию, прежде чем вести своё подразделение в бой, должен добыть исчерпывающие

сведения о противнике: кто перед ним, в какой силе, каким вооружением располагает, какие средства поддержки может использовать и так далее. А мы пока не располагаем никакими сведениями ни о местности, ни о противнике. Я не могу поставить задачу командирам взводов, а взводные, в свою очередь, не смогут согласовать действия своих отделений. Что нас ожидает там, за мостом? Не знаете. И я не знаю. Но должен знать.

– Эх, ротный-ротный, а ты думаешь, мне своих молодцов не жалко? Да каждый из них... Да это же специалисты высочайшей квалификации! А тут положил под пули в открытом бою. Я ведь тоже не для этого их готовил. Любой из них, если бы он выполнял своё дело, а не бегал здесь с винтовкой, может сработать за роту, за полк! А я вынужден положить их в окопы и после каждой стычки слушать доклады о потерях.

– Я высылаю разведку, – твёрдо сказал Мамчич и позвал в темноту: – Лейтенанта Братова ко мне!

И тут же, от ячейки к ячейке, пронеслось:

– Товарища лейтенанта Братова – к командиру роты! Братова – в середину второго взвода!

– Лейтенанта Братова!..

– Братова!..

Через минуту послышались торопливые шаги. В траншею спрыгнул лейтенант Братов, полушёпотом доложил. Мамчич оглянулся на Старчака. Но тот кивнул:

– Давай-давай, ротный, ставь разведке задачу. – И закашлялся.

Мамчич начал ставить разведке задачу:

– Значит, так, Братов... Возьмёте троих-четверых надёжных курсантов из своего взвода, скрытно переправьтесь через реку, углубитесь на ту сторону и выясните, где они, в какой силе, есть ли танки, артиллерия, и в каком они положении. С собою возьмите автоматы и побольше гранат. Но в бой не ввязываться. В самом крайнем случае. В самом крайнем, лейтенант! Через мост не ходить. Видите, как светло? Найдите брод. Через час-полтора вы должны вернуться. В любом случае в шесть ноль-ноль мы начинаем атаку. Атакуем вдоль шоссе. Вон там, левее дороги, видите, перекат, камешки? Там и перейдёте. А на мост – ни шагу... Что-то я не верю в их беспечность.

– Учти, лейтенант. – Старчак придержал разведчика за рукав. – Там, за речкой, ребята серьёзные. Впереди какой-то спецотряд. За ним – ухари из дивизии эсэс. Ростом такие же обломы, как и вы. Так что осторожнее там... Всё время думайте о том, что они могут быть хитрее вас и ждут вас именно там, куда вы направляетесь. Но эти мысли не должны вас угнетать.

– Понял, товарищ капитан.

– Давай, лейтенант. До встречи. Я своих ребят предупрежу. – И Старчак тут же позвал в темноту и отдал какое-то короткое распоряжение.

Разведчики ушли за Изверь. Тихо, как призраки, скользнули над бруствером, шурша полами шинелей по сырому песку, исчезли в ночи. Не щёлкнул придавленный неосторожной ногой сучок, не плеснула вода, не обвалился вниз камень. Никто не нарушил ночной напряжённой тишины над спящей Изверью и берегами, замершими до рассвета в смутном пыльном свете звёзд.

– Да, ротный, ты прав. Разведка – делу не помеха. Мои-то ребята вечером вернулись и доложили, что противник остановился километрах в двух-трёх отсюда. Пехота. Где-то до роты. Подвезли полевую кухню, ужинали, мылись в ручье. Хотел бы я знать, что они приготовили нам на завтрак. – Старчак на минуту замолчал, прислушался. За Изверью по-прежнему стояла тишина. Только вдаль, явно за городом, слышались тяжкие удары. – А разведчики у тебя – ребята шустрые. Если сейчас не нарвутся на их боевое охранение или на «древесных лягушек», то, значит, прошли.

– Братов – лучший в батальоне разведчик. Пройдёт.

Над лесом внезапным светом плеснула осветительная ракета, потащила по брустверам косые тени, заскользила искрящейся струйкой над молчаливыми прозрачными берёзами, над чёрными непроницаемыми шапками сосен и с треском и шипением истаяла, оставив едва заметный угольный след. Её тут же сменила другая, третья.

Командиры замерли. Они-то знали, что это могло означать. Они напряжённо следили за полётом ракет и каждый из них думал, что вот сейчас... вот сейчас... Не успела рассыпаться третья, в чёрное звёздно-пыльное небо взмыла четвёртая ракета. Но ни выстрелов, ни взрывов гранат, ни криков не последовало. И всё затихло опять. Будто ничего и не было. Никаких ракет. Успокоились.

– Что-то почувствовали? – Мамчич наклонился в Старчаку. – Как вы думаете?

– Вряд ли.

– Почему всполошились?

– Ракетницу пробует. Боевое охранение выставили. Вечером там никого не было. Так что твои орлы прошли тихо.

– Неужели действительно прошли?

Всё, чему он и другие офицеры и преподаватели учили их все эти месяцы, теперь, уже в это первое утро, которое по-настоящему-то ещё и не наступило, курсанты, его курсанты, должны были испытать на практике. И ценою испытания может стать чья-то жизнь. Это беспоило сильнее всего остального.

– Прошли. Прошли, ротный, твои ребята. Если бы были обнаружены, сейчас такой бы переполох поднялся! Они патронов не жалеют. – Старчак снова сел на дно окопа и закашлялся, уткнувшись лицом в пилотку. – Чёртов кашель. Спим на земле... Бойцы тоже кашляют.

– Это плохо, – отозвался Мамчич.

– На войне всё плохо. Но вот что странно: солдат на войне боится заболеть, если нет возможности залечь в санчасть, но постепенно перестаёт думать о том, что в любую минуту его могут убить. А за тёплую портянку последний табак отдаст. Завтра, ротный, и твои закашляют. Половина роты в одних гимнастёрках. Это что, новая форма одежды?

– Шинели в стирку отдали. Чёрт знает что...

– В прачечную? – усмехнулся Старчак.

– В прачечную, – морщась, ответил Мамчич. – Обещали завтра-послезавтра подвезти.

– Надо землянки оборудовать.

– Нам тут не зимовать.

– Нам тут воевать, ротный. А для разведчиков где шинели раздобыли? У артиллеристов?

– Нет. Для них всей ротой собирали. Один взвод, слава богу, в шинелях.

– Что, оказался не таким дисциплинированным, как все? Замешкался перед прачкой?

– Да нет, в наряде были. Не успели.

– И то радость.

– Выходит, что да.

– На войне так часто бывает. Не сразу сообразишь, кто ты и где ты. То ли идти трофеи собирать, то ли собирать свои манатки и бежать, пока не прихватили. Ладно, в бой пойдут, трофейными шинелями обзаведутся.

Мамчич не представлял своих курсантов одетыми в чужие, в немецкие, шинели. И сказал:

– Должны подвезти из Подольска.

Ровно через час и двадцать минут разведгруппа лейтенанта Братова вернулась. Тяжело перевалились через бруствер и какое-то время наперебой, с хрипами, нутужно дышали.

– Ну? – Мамчич наклонился к лейтенанту, лежавшему навзничь на дне окопа. – Что там, Братов?

– Немца взяли... товарищ... старший лейтенант. Но слишком... слишком сильно подранили. Не дотащили. Помер дорогой. Вот его... его документы. Фельдфебель. Сапёрный батальон. Девятнадцатая танковая дивизия. Только почему-то без танков. Не видели мы танков. А немец сказал, что танки вчера ушли севернее, в обход болот, к Вязьме. Там у них какая-то большая операция.

– Что ж, логично. Их разведка, конечно же, уже прошла вдоль шоссе, никого и ничего, похожего на оборону, не встретила. Авиаразведка эти данные подтвердила. И завтра они собираются выступить походной колонной в сторону Медыни.

– Выходит, что так, товарищ старший лейтенант. О нас – ни сном ни духом... Орудия стоят вдоль шоссе. С расчётами. Кухню с вечера подвезли. Ещё два дивизиона в километре отсюда, в лесочке. Гаубицы, сто пять, не меньше. И до двух батальонов пехоты. Всё рассредоточены вдоль шоссе. Похоже, утром готовятся выступить вперёд. Боевое охранение недалеко отсюда, за мостом, возле самой дороги. Пулемёт и несколько автоматчиков. Разговаривают, ракеты пускают. Да, ещё... Фельдфебель сказал, что параллельно им идёт какое-то спецподразделение. Или эсэс, или из абвера. Одеты иначе, в камуфляжную униформу и в наши, красноармейские, гимнастёрки. Действуют небольшими группами, как правило, выдвигаясь далеко вперёд основных колонн. Цель: захват мостов, переправ и других важных объектов и коммуникаций.

– «Древесные лягушки», – уточнил Старчак.

– Фельдфебель сказал, что утром они, те, в униформе, уйдут вперёд. Они должны их пропустить.

– Где пойдут? По шоссе?

– Не знаю.

– Живым его надо было тащить сюда, вашего фельдфебеля.

– Брыкаться начал, вот его немного и приложили...

– Приложили... По виску прикладом? Так?

Лейтенант промолчал.

Докладывал лейтенант Братов своему ротному командиру, хотя докладывать должен был Старчаку. Сводной группой с момента прибытия передового отряда в Воронки и соединения с батальоном десантников командовал капитан Старчак. Таков был приказ, который Мамчич привёз с собой и сразу же передал Старчаку. Но Старчак спокойно выслушал доклад разведчика и, только когда тот вытащил из-за пазухи документы, обёрнутые в непромокаемую бумагу, десантник жестом показал, чтобы пакет передали ему.

– Девятнадцатая танковая... – Старчак рассматривал документы. – Танки они могли замаскировать. Вы их просто не заметили. Боятся налётов нашей авиации. «Петляковы» хоть и редко, но всё же налетают и бомбят немецкие колонны. Ладно. Хорошо, что вернулись целыми и невредимыми. Вдвойне похвально, что не обнаружили себя. Хотя фельдфебеля могут хватиться. Объявляю вам, лейтенант Братов, и всей вашей группе благодарность. А танки... Что ж, танки действительно могли перебросить и севернее. Слышите, как там гудит? – И, повернувшись к Мамчичу и Россикову, сказал тем же ровным простуженным голосом: – Через двадцать минут атакуем. Приготовиться. Передайте приказ во все взводы. Возможно, немцы попытаются контратаковать при поддержке танков. Не верю я, что танков у них здесь нет. Россиков, а вы возьмите людей из роты и одним своим взводом продвигайтесь сразу за нами. Самых лучших наводчиков, лучшие расчёты – вперёд.

– В дивизионе все стреляют хорошо, – отозвался Россиков.

– Самых надёжных. Это, капитан, танки, а не макеты для учебных стрельб. И дайте понять всем расчётам, что, если промахнутся первым, то второй снаряд будет из танка. Но бояться их не надо.

6 октября в 6.00 курсанты и десантники скрытно переправились через Изверь сразу в нескольких местах, бесшумно сняли боевое охранение немцев и ворвались в расположение сапёрного батальона, накануне переправившегося через Угру и остановившегося на отдых на правом берегу реки.

Второй взвод курсантской роты двигался ровной цепью, соблюдая правильные интервалы. Сержанты держали равнение, время от времени одёргивая зарывающихся и поторапливая отстающих. Командир взвода лейтенант Ботвинский шёл немного впереди. В одной руке он держал на отлёте новенький ТТ на ремешке, а в другой – гранату. Левый фланг вёл помкомвзвода старший сержант Гаврилов.

– Ребята, не дрейфь! Наша берёт!

Артиллеристы сделали залп – по три снаряда на каждое орудие. И сразу же зарядили бронебойными. В роще загорелись грузовики. И тут же взревел мотором танк, ответил слепым выстрелом из короткой пушки и, стряхивая с брони и гусениц молоденькие берёзки маскировки, начал выползать на шоссе. Но в следующее мгновение он был уже подбит бронебойным снарядом, задымил, сползая кормой в глубокий кювет. Ещё две бронебойные болванки, ломая броню, врезались в его бок и башню. Артиллеристы будто не верили в свою удачу и в то, что стальное чудовище, о возможной встрече с которым думал каждый из них в эту ночь перед атакой, мертво. Они, они умертвили его! Только что они своротили ему хобот, и он не пошлёт уже ни в них, ни в цепь атакующих взводов свой снаряд. Они!

– Вперёд! Вперёд! – кричал Ботвинский, потрясая своим ТТ, казавшимся в этой схватке ничьёмной игрушкой.

А там, впереди, на фоне пожара метались немецкие автоматчики.

Воронцов шёл рядом со своим взводным. Он стрелял из винтовки и поглядывал на отделение. «Слава богу, – билась, трепыхалась в висках лихорадочная мысль, – слава богу, все ещё живы. Все в строю. Никто не упал. Не остановился. Не отстал. Не струсил». Воронцов стрелял из своей винтовки, впервые не по мишеням, а по противнику, которого он отчётливо видел. Вон они, немцы, перебегают, падают, вскакивают, снова спотыкаются. И всё отделение палило так же, как и он, зло и азартно, не жалея патронов.

Очереди немецких автоматов чаще и точнее начали стегать по земле и деревьям. Немцы ещё не пришли в себя и не нащупали своим огнём атакующие цепи курсантов. Но это могло произойти через минуту-другую, если наступающие упустят инициативу.

Десантники атаковали левее. Слышался рёв их глоток, сухой треск ПППШ и лай трофейных автоматов. Потом там вдруг начали рваться мины. И снова слышались дружные крики атакующих десантников.

Впереди на фоне пожара мелькали чёрные фигурки в касках и распахнутых шинелях. Фигурки размахивали руками и стреляли из коротких автоматов, даже не вскидывая их, от бедра. В их, казалось бы, хаотичном движении уже угадывался некий порядок. Огонь их становился всё интенсивнее. Они падали, перекатывались, укрывались за деревьями, пятились к лесу и стреляли короткими, уже прицельными очередями. Как будто стрельба наступающей цепи всё ещё не настигла их. Хотя там и тут лежали серые неподвижные бугорки, которые уже не стреляли.

– Взвод! – кричал Ботвинский, потрясая над головой пистолетом. – Огонь! Бей их, ребята! Они уже бегут! Бей гадов! За Родину! За Москву!

– За Москву!

– Ра-а-а!.. А-а-а!..

Курсанты стреляли. Воронцов перезарядил магазин, вскинул винтовку и, почти не целясь, выстрелил по мелькавшим возле горящих грузовиков чёрным фигуркам. Эти фигурки и были немцы. Немцы! Те самые, которые пришли сюда, на Изверь, к деревне Воронки, от самого Бреста, от Буга. Они пришли сюда из самой Германии, через Польшу и Францию. Они уже хозяйничают в его родном Подлесном. И неизвестно, что с матерью и сёстрами. И живы ли отец и брат? Там, на северо-западе, все эти дни шли тяжелейшие бои, и, похоже, нашим там приходится туго. Воронцов сделал ещё один выстрел и ещё. Но все пули улетали куда попало, мимо цели, и его лихорадочная стрельба, как и стрельба всего его отделения, казалось, не причиняла противнику никакого вреда. Тогда он забежал немного вперёд, чтобы не отстать потом, присел на колени и поймал в прорезь прицела чёрную каску, глубоко, до самых глаз, закрывавшую лицо немца. Тот тоже припал на колени и тоже начал целиться. Воронцову показалось, что немец выцеливает именно его. И через мгновение он понял, что опередил врага: каска, плотно сидевшая на голове немца, дёрнулась и стала сползать набок.

– Есть! – вскрикнул он и тут же почувствовал, как обожгло щёку, будто веткой стегануло. Видимо, немец тоже успел выстрелить и промахнулся только на какой-то сантиметр. Может, дрогнула рука. Может, пуля Воронцова помешала ему произвести выстрел более точно.

«Есть, – подумал он, перепрыгивая через кювет. – Есть! Я завалил его. Я убил немца. Он теперь не убежит. Он теперь там... Лежит... Мой...»

Первый и второй курсантские взводы, составлявшие левый фланг наступавшей цепи, уже охватывали полукольцом березняк, в котором метались немцы, не успевшие убежать, а возможно, попросту не захотевшие отступить перед внезапной атакой русских. Они всё ещё пытались организовать оборону и остановить противника, отбросить его. Ведь в прежних боях это всегда удавалось.

– Хальт! Фоер!

– Фоер! Фоер! – кричали они, будто самым этим криком можно было остановить лавину атакующих курсантов.

Когда взвод преодолевал траншею, прокопанную здесь давно, видимо, для отвода весенних вод, несколько курсантов, будто споткнувшись, с размаху залегли. Земля так и обняла их. Воронцов и сам, увидев спасительную щель, где человеческое тело могло вполне спасти себя от летящих пуль и осколков, подумал, что хорошо бы залечь в неё и хоть немного перевести дыхание, осмотреться, сообразить, куда бежать дальше и куда стрелять. И тут же услышал рёв старшего сержанта Гаврилова. Помкомвзвода метался вдоль копани и толкал залёгших прикладом своей СВТ:

– ...Вашу мать! Встать, засранцы! Вперёд! Вперёд! Не мешкать! Застрелю!

Курсанты, споткнувшиеся в траншее, один за другим стали подниматься и догонять цепь, уже ушедшую вперёд. Один из них, вопя что-то бессвязное, обогнал своих товарищей. Он потрясал над головой своей винтовкой с примкнутым штыком и кричал, видимо, пытаясь подавить охвативший его страх:

– А-а-а!.. И-и-и!..

– Ра-а-а!.. – сотнею плоток ревела рота.

Возле самой дороги, шагах в ста впереди, немцы торопливо разворачивали орудие. Развели станины. Сделали доворот. Выстрел! Пушка, не закреплённая в грунте сошниками, дёрнулась, подпрыгнула. Снаряд пролетел над головами второго отделения и упал где-то позади цепи, где продвигались артиллеристы. Ещё выстрел! Снаряд вспорол землю с недолётом. Пронесли невидимые осколки. «Боже, как они жутко шипят», – подумал Воронцов и машинально присел, оглядываясь, куда бы спрятаться. Но никто не залёг. Только пошли медленнее. Даже курсант, бежавший впереди, смешался с цепью. И тут Воронцов вдруг понял,

что немцы взяли в прицел именно их отделение. Сейчас положат пару осколочных и развесят наши шинели по берёзкам... Надо было что-то делать. Залечь и окопаться, подождать, когда вся рота подойдёт... Но это значит – упустить инициативу, отдать её врагу. И тогда он понял, что надо делать, и мгновенно принял решение.

– Второе отделение! Слушай мою команду! Цель – орудие по фронту! Прицел сто! Три выстрела беглым, часто, первый залпом – пли!

Залп смёл с дороги прислугу. Орудие больше не сделало ни одного выстрела.

Вскоре бой закончился. С дороги стрельба сместилась в лес и медленно затихала. Там, в песчаном карьере и в канаве лесного ручья, в его многочисленных ответвлениях, добивали засевших немцев, забрасывали их гранатами и кололи штыками. Группы окружённых были небольшими. Сдаваться они не хотели. На предложение сложить оружие и выйти с поднятыми руками отвечали матюгами по-русски и стрельбою из автоматов и пулемётов.

– Иван! Давай-давай! Иди! – кричали они и открывали бешеный огонь.

Подойти к ним было невозможно. Артиллеристы добивали их из орудий и захваченных миномётов. Потом подползали курсанты из пехотных взводов и забрасывали уцелевших гранатами.

Впереди, немного левее Варшавского шоссе, показались крыши домов. Это было село Дерново. Уже рассвело, и было видно издали: над золотистым облаком старинных лип белела колокольня церкви с чёрным крестом. И странно было видеть, как над колокольней в каком-то безумном птичьем упоении летали стаи галок и голубей. Казалось, что природа не хотела признавать правил войны, она всё ещё сопротивлялась человеческим наклонностям к истреблению друг друга во что бы то ни стало, свершая свой привычный обряд, в котором было и то, чего сейчас не хватало и людям – мир и покой.

Стрельба в оврагах затихла. Пахло дымом и гарью. На обочине и в кювете догорали грузовики. В них что-то лопалось, трещало, но уже вскоре эти звуки прекратились и от машин остались одни сизые остовы, от которых несло горелым металлом и резиной. В кузове одной из машин, на железных прогнувшихся полосах, как на огромной жаровне, лежало обгорелое тело в каске и сапоге, сморщившемся и наполовину развалившемся. Толстый слоёный каблук с сизыми скобками железного подбора дымился. Тело казалось небольшим и походило на опалённого поросёнка. Воронцов почему-то не мог представить, что всего несколько минут назад этот скукожившийся обрубок был живым человеком. Другой ноги, и сапога тоже, у немца не было.

– Во, поджарили германа! – сказал курсант и шевельнул обгорелое тело штыком, поддев его за какие-то ослизлые лохмотья.

Ему никто не ответил. Курсанты постояли ещё немного, глядя на тлеющий каблук, на розовый осколок кости другой ноги, на сизую каску; в ней, как в раскалённом горшке, что-то шипело и из-под козырька вытягивало на волю маслянисто-чёрный дымок. Они потоптались возле убитых немцев и разошлись.

Свою машину курсанты успели потушить. Один из снарядов, выпущенный немецкими артиллеристами, попал прямо в кабину грузовика первой батареи. Водитель и сидевший рядом с ним курсант были убиты наповал. Полуторка загорелась. Сперва занялась расщеплённая фанера кабины, а через мгновение пламя перекинулось и на кузов, где лежали ящики со снарядами. Вспыхнул брезентовый тент. К пылающему грузовику бросился старший политрук Иванов. Но его едва не сбили с ног бросившиеся врассыпную курсанты.

– Разбегайся! Сейчас рванёт!

– Стой! Ребята! Там снаряды! Без снарядов нам крышка!

Курсанты тут же вернулись, сорвали с горящего грузовика брезент, начали шинелями сбивать пламя. Другие кинулись разгружать ящики. Боеприпасы были спасены.

Старчак дал команду прекратить преследование, собрать своих раненых и перегруппироваться для новой атаки.

Курсанты набили подсумки патронами, рассовали по карманам гранаты. Некоторые щеголяли трофейными автоматами. Разглядывали их, собираясь группками, откидывали металлические рамы прикладов, проверяли исправность короткими очередями по верхушкам берёз.

Раненых собрали возле машин, перевязали и вскоре отправили в Подольск. Раненые стонали. Некоторые плакали. Из курсантов, из солдат, жизнь и существование которых, казалось, были не только подчинены, уставу и приказам командиров, но и защищены и тем и другими, они сразу сделались обыкновенными людьми, ребятами из соседнего отделения или взвода, друзьями, которым не повезло, которым было больно, которых жалели и старались хоть как-то утешить, потому что они умирали от потери крови, от болевых шоков и глубоких проникающих ранений. Некоторые не приходили в сознание. Они уже не могли бороться за свою жизнь, и, быть может, души их уже трепетали перед исходом из молодых, но слишком сильно изувеченных тел, чтобы полететь на Родину, к милым холмам и улицам, к родне, к матери и отцу, к сёстрам и братьям и всем, кто любил этого или того из них и сейчас молился за них. И многие, потерявшие в первом бою своих товарищей, вспоминали в ту минуту медынского старика с Георгиевскими крестами, благословлявшего их колонну и каждого из них. Вот почему так спешил старик, так торопливо и неистово клал кресты: каждому из них, каждому, каждому он хотел дать охранительный крест. Каждому. Уж он-то, старый солдат, знал, куда они отправляются и какая участь ждёт их.

– Товарищ старший лейтенант, этих двоих не довезём, – сказал водитель, указывая на курсанта и десантника, лежавших на плащ-палатках под берёзой.

Мамчич подошёл к раненым. И парусина новеньких плащ-палаток, и рыжая трава вокруг были залиты кровью.

– Нет, ты мне всех вывези! Всех доставь в полном порядке! Всех спаси! Это – приказ! Понял?

– Да как же их спасёшь, если... – И водитель безнадёжно махнул рукой.

– Ты это мне брось! Гони! Гони, братец, поскорее. Может, в Медыни врача найдёте. Давай! – И Мамчич кинулся помогать курсантам грузить раненых.

Везде он успевал, повсюду слышался его громкий отрывистый голос, к которому они так привыкли в училище и который здесь, на передовой, казалось, мог спасти их от многих напастей и бед, и даже от пули. Курсанты инстинктивно жались к нему, внимательно слушали каждое его слово, ловили каждый жест и с готовностью кидались исполнять любое его приказание. Он хранил и охранял их. Но, и это тоже понимал каждый, ровно настолько, насколько это возможно в бою командиру хранить своих бойцов. Большого он сделать для них просто не мог. Это он, их ротный, так умело повел взводы в атаку и так правильно организовал окружение и последующее уничтожение немцев, засевших в ручье и карьере. Везде мелькали полы его длинной шинели. Воронцов заметил, как однажды Мамчич остановился, нагнулся, стал обирать колючки прицепившегося к шинельному сукну репья и вдруг увидел, что его всегда начищенные до зеркального блеска сапоги заляпаны грязью. Ротный тут же нарвал травы и начал счищать с каблуков и из рантов подошв налипшую грязь и листву. Но, увидев, что за ним наблюдают курсанты, выругался, распрямился, пнул ногой узкую зелёную пулемётную коробку и приказал:

– Курсант Асанов! Отнесите патроны к машинам! Сдайте старшине!

– Есть сдать патроны старшине!

Теминдар Асанов, блеснув раскосыми глазами, подхватил коробку и побежал по шоссе. Любой из курсантов знал, что встреча со старшиной, тем более когда являешься к нему не с пустыми руками, обычно увенчивалась сухариком. В кармане пожилого стар-

шины, этого ротного дядки Павла, который, казалось, всю свою жизнь прожил в казарме, рядом с вечно голодными курсантами, долговязыми огольцами, только-только оторванными от маток-тятек, всегда лежала пара-другая сухарей. И хотя прятать в карманы шинелей недоеденную горбушку хлеба, украдкой изнесённую из столовой, чтобы продлить удовольствие, он им запрещал, боясь, что мыши, учуяв хлебные крошки, посекут дорогое сукно, а значит, попортят государственное имущество, сам всегда ходил с гостинцем в кармане. И никто никогда не видел, чтобы свой сухарик старшина грыз сам. Его и представить-то было невозможно грызущим сухарь. А вот курсанту он вручал свой сухарь, как награду. И это была действительно награда, учреждённая старшиной в шестой роте и почитаемая всей ротой.

Вот и смело шустрого, как чёрный выюн, Теминдара Асанова в обоз. Он знал, что старшина непременно поощрит рачительного курсанта, даже в бою пекущегося об увеличении и всяческом прибавлении хозяйства и имущества роты. Курсанты второго взвода с завистью смотрели ему вслед. Где-то там лежали их «сидора» с сухпаем. А сухарик бы сейчас их желудку не повредил...

Во втором взводе потерь не было. Осколками гранаты задело курсанта Макуху да слегка контузило Алексея Родионова. У Воронцова на щеке сорвало кожу. Пуля прошла, как сказал бы подлесский плотник дядя Фёдор, впоцелуйку. Ещё бы сантиметр-другой, и она поцеловала бы его как следует. Но, видать, судьба отложила встречу.

– Петров! – позвал взводный военфельдшера. – Перевяжи сержанта! Да поживее ты, чёрт тебя!..

Когда раненых отправили, ротный военфельдшер Петров сразу остался вроде как без дела. Убитые, сложенные в ряд на обочине дороги, в его помощи не нуждались. Своих убитых сюда же принесли и десантники.

– Что с ним? Царапина? Сейчас посмотрим. – И Петров ещё раз окинул взглядом убитых, как смотрят на уже безнадёжное, что не требует уже особого внимания, и подошёл к Воронцову.

– И побыстрей давай. Копаешься всегда...

– Ты что, Илья? – оглянулся Петров на Ботвинского и покачал головой.

Командир второго взвода лейтенант Ботвинский был возбуждён и никак не мог прийти в себя после атаки, в которой его взвод, как ему казалось, особенно отличился. Ему хотелось куда-то бежать, отдавать новые приказания и стрелять из своего новенького ТТ. Он даже не застёгивал кобуру, словно пистолет вот-вот ему снова понадобится.

– Ну, что у тебя, Воронцов? Портрет попортило?

– Слегка.

Руки у Петрова были в присохшей крови и дрожали. Он не успел даже помыть их. Только курил папиросу за папиросой. Воронцов чувствовал его дрожь и понимал, что и сам дрожит, и что военфельдшер чувствует его дрожь.

– Раненых много, – сказал Петров. – Как понесли... Я думал, всех тут положат. Десантники тоже своих волокут... Все орут – скорей... Тяжёлых много. Боюсь, не довезут их до Подольска. Слишком далеко везти. Если только догадаются завезти их в Медынь.

– Дали им, с-сволоч-чам. Д-дали, товарищ лейтенант... – Зубы у Воронцова стучали.

Все эти минуты после боя ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Внутри холодным смутным облаком залегло одиночество, которое мучило его и пугало. Друзья неожиданно куда-то все разбежались, и не с кем было облегчить душу. С военфельдшером Петровым он не был особенно знаком. Раза два обращался, когда однажды во время пробежки с полной выкладкой стёр ногу. Второпях плохо намотал портянку, нога быстро вспотела, и он даже не заметил, как стёр её в кровь. Спыхватился, когда начало саднить от пота. Военфельдшер тогда помазал ему обе ноги какой-то мазью, выписал освобождение от строевых занятий на

неделю, и вскоре всё прошло. У них не было времени подружиться. Но сейчас это не имело значения.

– Как мы им д-дали...

– Они нам тоже. Бинтов вон сколько ушло...

– Протри и ладно. – И Воронцов оттолкнул дрожащую руку Петрова и подумал: «А он-то чего дрожит? Да, да, раненых вытаскивал он. Почти всех вытащил он, Петров. А потом перевязывал. Отправлял. Ему тоже досталось».

– Подсохнет, заживёт... Много ребят?.. Ваших кого убило? Я ведь только раненых и видел. – Петров внимательно рассматривал свои руки в запёкшейся крови.

– В нашем взводе убитых нет. А их вон сколько навалили. Видел? Возле грузовика лежат. Сходи, посмотри. У них раненых нет. И пленных тоже. Никого не брали. Всех под стебло.

– Так им и надо.

– Всех добили. Там их – целый овраг...

Воронцов махнул рукой и вдруг подумал: «А ведь там и мой лежит». И ему захотелось посмотреть на своего немца. На врага, которого он поразил в первой же схватке. Стреляло всё отделение, весь второй взвод. Но в того, целившегося с колена, попала именно его пуля. Воронцов это знал точно. Он чувствовал её полёт и удар. Охотники это знают: если попал, всегда почувствуешь. Пока пуля не прекратила свой полёт, её чувствуешь. Пока пуля летит, она всё ещё часть твоего оружия. Даже когда Воронцов стрелял по мишеням, всегда это чувствовал. И если она пролетит мимо цели, то чувствуешь её напрасный полёт в никуда. Если в цель – удар. Удар, которого невозможно услышать, но можно всё же почувствовать.

– Пойду-ка я лучше руки помою, – сказал Петров.

Смотреть на руки военфельдшера было жутковато.

Уже совсем рассвело. Пошёл дождь. Словно сама здешняя осень, внезапно застигнутая тем, что только что здесь произошло, пыталась смыть всю кровь и копать – с травы, с дороги, с песчаных обочин, с одежды, оружия и рук уцелевших в этой первой яростной схватке людей, которые по какой-то большой и непреодолимой, самой главной причине люто ненавидели друг друга и сошлись здесь, у дороги в березняке, чтобы утолить свою ненависть. Дождь шёл недолго, всего несколько минут. Вскоре он зашуршал и сменился снегом. Природа вдруг спохватилась, догадавшись, что слезами тут не поможешь, и решила поскорее прикрыть тот ужас, который сотворили здесь ненавидевшие друг друга люди. Мокрые лохматые хлопья неслышно падали на землю, устилали её белыми пеленами, глушили голоса курсантов и стоны раненых десантников, которых всё ещё выносили из лесу. Снег налипал на не опавшие листья и клонил книзу отяжелевшие усталые ветви ив и клёнов. В такую погоду шаги становятся неслышными и лёгкими. Дед Евсей в это время брал старенькую, как и он сам, одностволку, отвязывал Трезора, смесь русской пегой гончей и самой заурядной дворняги, и на целый день уходил за речку, на охоту. Иногда брал с собою и его, Саньку, давая ему раз-другой пальнуть из ружья. Допотопное дедово ружьё было тяжёлым, с точным резким боем, и почти никогда не делало подранков. Правда, иногда осекалось. И тогда дед бранил его и грозился, если такое ещё повторится, забросить ружьё в Буковье – старый пруд под мельницей, который с весны до осени был плотно затянут зелёной ряской и зарастал ярко-жёлтыми, как солнце перед закатом, кувшинками. Но другого ружья у деда Евсея не было. Санька подтрунивал над дедом, говоря, что эта тяжеленная фузея, должно быть, осталась здесь со времён нашествия Наполеона... Неподальёку от Подлесного, рядом с большаком, в начале прошлого века французы насыпали холм, под которым, говорят, похоронили своих солдат, убитых и замёрзших на пути из разорённой Москвы. К вечеру Санька с дедом Евсеем возвращались домой с тремя-четырьмя подстреленными зайцами. Зайцев в окрестностях Подлесного водилось много. И не надо было за ними ходить далеко в лес. Дед Евсей

хорошо знал их повадки, лёжки, без труда выслеживал косых и, если не попадал с первого выстрела, пускал по следу Трезора. Трезор ошалело кидался за убегающим зайцем со всех ног, старался догнать его и сожрать. Доля благородной охотничьей крови была в нём всё-таки слишком незначительной. И делал он это не раз, даже шкуры не оставлял. Но чаще всё же благополучно выгонял зайца на меткий выстрел деда Евсея. И тогда дед не мог нарадоваться на своего помощника, хваля его и породу, и статью. Отрезал пазанок, а то и все два, и бросал радостному Трезору. Убитые зайцы выглядели тоже жалко. Но всё же не так безобразно и жутко, как убитые люди.

Несколько курсантов из его и первого отделений вышли навстречу. Что-то обсуждали, перебивая друг друга и размахивая руками. Лица радостные, возбуждённые. Каски сдвинуты на затылок. Потные, в бурых потёках лбы и щёки. Среди них Воронцов увидел и Алёхина. Тот вертел в руках гранату с длинной деревянной ручкой. Две другие были засунуты под ремень, донцами кверху. На донцах белые оттиски свастики. Уже нахватили трофеев. Радуются.

– Сань, видал? – окликнул его Алёхин. – «Толкушка». Штоковая граната эм-двадцать четыре. Хорошая штуковина. Хочешь, дам одну?

– У меня свои есть.

– Свои – это свои. А эти... Бросать удобно.

– Ты уже пробовал?

– Пробовал. Там, в ручье... – И Алёхин указал вниз, в ручей, где ещё путался в кустах дым и откуда возвращались группами курсанты из других взводов.

Воронцов подошёл к остову обгоревшей машины, на кузове которой всё ещё тлел труп в каске и сапоге. Пахло горелым железом и чем-то ещё, от чего к горлу подкатывала тошнота. Он не сразу догадался, чем это пахнет. Вот почему здесь никто из курсантов и не задерживался.

Немцы лежали возле передних колёс. Трое. Двое – откинувшись на спину, а третий – завалившись набок. Вот он-то и был тот самый, пуля которого не достала Воронцова, а только обожгла щёку. И как он, Санька Воронцов, воевавший всего-то первый день, успел опередить его? Вон и нашивка за тяжёлое ранение. Видать, и в Польше повоевал, и во Франции, а может, и в Греции. Матёрый. Но пуля калибра 7,62 миллиметра остановила его здесь, на Варшавском шоссе, на левом берегу Угры. Его пуля, Саньки Воронцова.

Воронцов наклонился, стараясь не дышать, и заглянул убитому в лицо. Оно уже подёрнулось синевой. Снег на нём не таял. Не таял ни на лице, ни на руках, выброшенных вперёд. Пуля попала ему чуть выше левой брови, прямо под козырёк каски, и вышла в затылок, отвалив почти половину черепа. Он умер сразу. Наверняка ни о чём не успел подумать. Даже о том, что смерть настигла его. Двоих других, которым было лет по двадцать, не больше, изрубило осколками. Их накрыли артиллеристы. Рядом дымилась воронка. Артиллеристы стреляли мало, но очень точно. А этот, его, был явно старше. Высокий, упитанный, в хорошо подогнанной серо-зелёной форме. В рукопашной, сойдись они где-нибудь тут на полянке, он такого, может быть, и не одолел бы. А пуля любого валит. Снег падал и падал на землю, засыпал лица убитых, порванную осколками одежду, и только лужи крови под ними, которые, казалось, всё ещё прибывали, никак не мог укрыть от посторонних глаз. И чем сильнее он накрывал окрестность, гася и упрощая краски, тем отчётливее сияли эти жуткие круги. Яркие на белом, они с каждым мгновением становились больше, и казалось, что это последнее, живое, что выходило из уже мёртвых тел, подплывало под ними и дымилось живым теплом.

Подошёл Мамчич и, разрывая пелену его сумбурных мыслей, сухо сказал:

– Сержант, идите в свой взвод. Готовьте людей к бою.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите спросить?

- Спрашивайте.
- Мы снова атакуем?
- Да. Скоро начнём. Как вели себя в бою курсанты вашего отделения?
- Очень стойко, товарищ старший лейтенант, – снова отчеканил он.
- Каковы потери?
- Потерь нет.
- Молодцы.

Воронцов молча повернулся и пошёл к опушке леса, где в крошечном снегу маячили знакомые фигуры курсантов второго взвода. Там, похоже, раздавали сухари или патроны. Он сделал несколько шагов, подгоняемый мыслью не опоздать под раздачу, и вдруг почувствовал, ощутил всем телом, каждой своей живой частичкой, как сильно он устал. Хотелось лечь прямо на снег, свернуться калачиком, укрыться шинелью от холода, страха и от всего обезумевшего мира и хоть немного поспать. Отдохнуть. Хоть минутку сна, после чего наверняка станет намного легче переносить всё это. Страх не было. Была усталость. Просто усталость. Усталость... Но разве можно лечь, хотя бы и в снег? Ведь это только мечта, которая, конечно же, как и любая другая большая мечта, никогда не сбудется. Сейчас начнётся новая атака. Снова побежим. Будем стрелять. И Воронцов опять подумал об убитом немце. Надо было хоть что-то взять у него. Автомат или какую-нибудь вещь. Ведь это его немец, и он имеет на это полное право. Право победителя. Ещё не поздно вернуться. Воронцов оглянулся и увидел, что над убитыми склонились какие-то люди. Он сразу догадался – десантники. Они вышли из оврага и осматривали подбитый танк, обгоревшие грузовики и убитых. Возвращаться сразу расхотелось. Ноги совсем не двигались. «Что со мною, – подумал он. – Уж не ранен ли?» Он стал осматривать себя, торопливо ощупывать грудь и живот. Но накатывало какое-то тоскливое безразличие к себе, к окружающему миру. «Провались всё к черту...» И в это мгновение тяжёлая и мучительная волна всколыхнулась изнутри, скрутила тело непреодолимым спазмом. Воронцов попробовал ухватиться за берёзу, но его влекло к земле, он нагнулся и, стараясь, чтобы никто не увидел его внезапного недомогания, упал на колени. Винтовка сорвалась с плеча, брякнулась рядом, каска с расстёгнутым ремешком вместе со сползшим потным подшлемником упала в снег, откатилась к ногам.

Его рвало так, что он какое-то время даже не мог сколько-нибудь овладеть собою. Позывы следовали один за другим, скручивали железными судорогами и сдавливали его тело, опустошали, делали слабым, дрожащим, жалким. Потом сразу всё прекратилось. Он машинально утёрся рукавом шинели и вспомнил, что в кармане гимнастёрки есть носовой платок. Рывком расстегнул на груди пуговицы, достал белый, аккуратно сложенный платок, развернул его и поразился идеальной белизне его. Платок был довоенным, чистым и хрустящим, как снег. До войны всё было таким, как этот платок, а теперь вот настал и его черёд. И Воронцов пожалел его и, аккуратно свернув дрожащими заоченевшими пальцами, сунул обратно в карман. Отвинтил крышку фляжки, ополоснул рот, сделал несколько осторожных глотков. Вода прижилась. Она даже не вздрогнула в нём. И тогда он жадно припал к фляжке.

– Эх, Воронцов-Воронцов! Вон сколько харчей попортил! – услышал он над собою голос помкомвзвода Гаврилова.

Вот уж с кем Воронцову сейчас не хотелось бы встретиться. Но именно старший сержант Гаврилов стал свидетелем его внезапной слабости.

Грубоватый, не стеснявшийся своей солдатской простоты даже в присутствии офицеров, с лихвой хлебнувший порохового дымка ещё во время летних боёв, он пользовался неизменным авторитетом не только в Шестой роте, но и во всём училище. В конце августа Гаврилов подал рапорт на имя начальника училища генерал-майора Смирнова с просьбой при первой же возможности отправить его, бывалого бойца Красной Армии, на фронт. Так и написал: «Прошу при первой же надобности отправить на фронт в действующую армию...»

Потому что знал – надобность была: в те дни шли упорные бои под Смоленском и на ельнинском выступе. И туда, под Ельню и Дорогобуж, быстрым маршем гнали наспех сформированные ополченческие дивизии. А для них нужны были кадровые командиры. Об этом рапорте Гаврилова вскоре стало известно во всём училище. Может, потому, что с подобными просьбами к генералу обратились и десятки офицеров, особенно из числа командиров рот и взводов, и это на какой-то промежуток времени стало настоящей проблемой училища. Ходили слухи, что в соседнем артиллерийском училище формируют несколько противотанковых дивизионов. Но слухи не подтвердились. Не было дано хода и рапорту старшего сержанта Гаврилова. Помкомвзвода томился и срывал злобу на курсантах. И ротный однажды сказал ему: «Смотри, Гаврилов, не перегни палку. А то доиграешься...» – «Да противно мне тут, товарищ старший лейтенант, этим сосункам соплю вытирать. Извините, конечно...» – «Завтра эти, как ты выразился, сосунки уйдут на фронт командирами взводов и политруками рот. И бойцы в бою будут на них равняться». – «Завтра... А сегодня под Смоленском и Ярцевом...» – «Ладно, ладно, не больно-то хорохорься, фронтовик. Войны на всех хватит. Так что не демонстрируй. Лучше научи их как взвод в атаку поднимать». – «Тут, в затишке, этому не научишь. Там научатся. Пуля всему научит». – «Там, Гаврилов, поздно будет».

Этот разговор Воронцов слышал. В тот день он дневал, скучал в опустевшей палатке и ждал, когда рота вернётся с занятий. А ротный с Гавриловым стояли на улице, и через тонкую стенку палатки разговор их был слышен довольно хорошо.

– Ну что, сержант, прошёл обряд очищения? – и помкомвзвода добродушно засмеялся. – Ну, ничего-ничего...

На плече у Гаврилова висели два ремня, а из-под мышки торчали короткие автоматные стволы с высокими намушниками. Шинель на нём была расстёгнута, и на гимнастёрке поблёскивала медаль «За отвагу».

– Да вот... Голову ломит. Заболел, что ли? Как обручами... Первый раз такое.

– Эта болезнь, сержант, у всех по первости бывает. Это как у девки, когда её бабой сделаешь. А потом ничего, и даже понравится. – И Гаврилов снова засмеялся и похлопал его по плечу. – Я, брат, тоже... после первого... Они вон не блюют. Если бы их взяла, всех бы под гусеницы положили. Головой к голове... Я такие картины повидал.

Воронцов поднял винтовку, смахнул с затвора налипший снег, отряхнул полы шинели, внимательно осмотрел их.

– Возьми-ка, воин, трофей. – И Гаврилов потянул с плеча ремень одного из автоматов.

– Зачем? У меня винтовка есть.

– Винтовка... Винтовка и у меня есть. Да только этот чёрт рогатый в ближнем бою поудобнее и понадежнее. Это я тебе точно говорю. Так что бери. У твоего крестника забрал. А то там уже десант пошёл березняк прочёсывать... Ребята ловкие. Воевать уже научились. Ранцы сразу собрали. Жратва на войне – первое дело.

Воронцов взял в руки холодный чётный автомат, посмотрел в прорезь прицела.

Вот и овладел он оружием поверженного врага. Не это ли всегда, в истории всех войн, и считалось высшей доблестью победителя?

– Вот только, сержант, патронов маловато. Один рожок. Ты бей короткими очередями. И учти, дальше чем на сто метров он бесполезен. Но в ближнем бою эта игрушка незаменима. А патроны десантники собрали. Ничего, добудешь и патронов. Сейчас вперёд пойдём. Так что знай, не зевай.

– Спасибо тебе, Гаврилов.

Помкомвзвода достал из кармана шинели трофейную стеклянную фляжку, вытащил зубами пробку и протянул Воронцову:

– На-ка, хлебни. Восстанови силы. Да и с почином тебя.

– Что это?

– Шнапс. Не очень крепкий. Но ничего, натошак и за первач сойдёт. Продезинфицирую кишку. Там у человека страх хоронится.

Воронцов сделал несколько глотков. Водка обожгла горло и теплом полилась внутрь. Состояние беспомощности постепенно проходило.

– А правда, хорошо.

– Г-га! – зарычал Гаврилов. Похоже, это настолько позабавило его, что он и сам запрокинул голову и шумно, с бульканьем, влил в себя некоторое количество шнапса. Затем потряс фляжку, там ещё плескалось. – Ладно, ещё пригодится. Рану залить или ещё что...

– Спасибо, Гаврилов. Я вижу, тебе здесь больше нравится, чем в училище.

– Ха! Сравнил! – Помкомвзвода засмеялся, блестя глазами. – Крепись, браток. Сухарь хочешь? Мы им сейчас, в этой деревне, горячего сала под шкуру зальём. Они встречных атак не любят.

Однако фронтальной атакой, широкой правильной цепью, как предполагалось вначале, брать населённый пункт они всё же не решились. На внезапность рассчитывать было уже нельзя. Этот резерв был уже исчерпан.

Старчак выслал вперёд группу десантников. Разведчики пробрались в село, сняли боевое охранение, ещё не успевшее окопаться вокруг церкви, и пулемётчика, засевшего на колокольне и контролировавшего огнём скорострельного МГ-34 не только подступы к селу, но и участок шоссе. Вместе с разведчиками, перешагивая через истерзанные пулями и ножами тела немцев, поднялся офицер-артиллерист. В бинокль он сразу определил цели для батарей: несколько танков, тщательно замаскированных у шоссе северо-западнее села, одиночное противотанковое орудие, поставленное на прямую наводку, пулемётные расчёты, несколько миномётов на скрытых позициях за колхозной фермой. Было видно, что немцы пришли в себя после первой неудачи и готовятся к контратаке.

Но курсанты и десантники опередили их.

Из книги генерал-майора авиации Героя Советского Союза Георгия Нефёдовича Захарова «Я – истребитель»:

«...Я вылетел в Двоевку с полевого аэродрома Тёмкино, где сидел один из бомбардировочных полков. Набрав высоту, заметил ХШ-126. Немец шёл в сторону Юхнова, над дорогой Юхнов – Медынь. Мне показалось странным, что немецкий разведчик идёт в том направлении – по моим данным, там должны были находиться наши войска. Забираться в сторону Медыни ХШ-126 раньше не решались. Тогда я пошёл за немцем и вдруг увидел, что дорога запружена танками и автомашинами. Поведение немца, который безбоязненно и нахально кружил над танками на небольшой высоте, меня удивило: ведь танки шли под красными флагами. Невольно подумал сначала, что танкисты, очевидно, не знают силуэтов немецких разведчиков и потому не стреляют по «хеншелю». Если бы они поняли, что обнаружены, то, конечно, попытались бы сбить этот самолёт. Но я уже настигал его, деться немцу всё равно было некуда. А танкисты высовывались из люков и, глядя в небо, приветливо махали руками. Я понял, что они видят мой И-16. Круто спикировал. ХШ-126 завертелся было, да поздно: я уже всадил в него несколько очередей с большим энтузиазмом.

Смущала танковая колонна. С самого начала войны не видел таких мощных колонн с красными флагами. Едва ХШ-126 упал в придорожный лес, внезапно все танки открыли по мне бешеный огонь! Я был ошарашен. Рискую быть сбитым, снизился до бреющего полёта и прошёл над самой колонной. Что же увидел? На красных полотнищах явственно просматривались чёрные свастики...

Никогда раньше я не знал, что у фашистов есть алые флаги. Тут же понял, в чём заключается странность, которую почувствовал при встрече с такой мощной колонной, но не дал

себе труда в первый момент разобраться в своих ощущениях. Дело в том, что пушки танков смотрели на восток.

Это было в первых числах октября, когда враг прорвал фронт...»

Из книги Д.В. Панкова и Д.Д. Панкова «Подвиг подольских курсантов»:

«Как показали пленные, перед курсантами находились части 57-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Кунтцена (начальник штаба – подполковник Фагнор). Корпус участвовал в войне с первых часов нападения фашистской Германии на Советский Союз. Уже в директиве по плану “Барбаросса” на сосредоточение и развёртывание 4-й танковой группы 47-му корпусу предписывалось перейти границу на участке Неман от Друскининкай до Меркине. В конце сентября от вёл бои на Валдайской возвышенности».

Из книги генерала танковых войск вермахта, осенью 1941 года командующего 2-й танковой группой, а затем армией группы армий «Центр» Гейнца Гудериана «Воспоминания солдата»:

«По мнению главного командования сухопутных войск, создавшаяся выгодная обстановка благоприятствовала дальнейшему развёртыванию операции в направлении на Москву. Германское командование хотело помешать русским ещё раз создать западнее Москвы глубоко эшелонированную линию обороны. Главное командование сухопутных войск носилось с идеей, чтобы 2-я танковая армия продвинулась через Тулу до рубежа Оки между Коломной и Серпуховом. Во всяком случае, это была очень далёкая цель! В соответствии с этой же идеей 3-я танковая группа должна была обойти Москву с севера. Этот план главнокомандующего сухопутными войсками встретил полную поддержку со стороны командования группы армий “Центр”.

Приводил в смущение тот факт, что последние бои действовали угнетающе на наших лучших офицеров».

Глава третья

Атака на Дерново

Атака на Дерново была такой же стремительной.

Артиллеристы дивизиона капитана Россикова стреляли точно, и в первые же минуты боя накрыли позиции немцев у Варшавки. Они буквально смели и пулемётные расчёты, и орудие, так и не успевшее сделать ни одного выстрела. Подбили два танка. Один из них после первых попаданий скупно задымил и продолжал двигаться вдоль придорожного кювета, будто не осмеливаясь перевалить через него, и в его открытый бок орудия дивизиона всаживали новые и новые бронебойно-зажигательные, пока внутри у него что-то не надорвалось. Правая гусеница дёрнулась, заклинила, левая начала зарываться в песчаной бровке кювета, а из открытого бокового башенного люка повалил густой, чёрный, как от горящих автомобильных шин, маслянистый дым. Другой взорвался сразу, как контейнер с боеприпасами, в который попала граната. Взрывом сорвало башню и отбросило в сторону. Расправившись с главной опасностью, дивизион перенёс огонь в глубину немецкой обороны.

С колокольни тем временем вели огонь два пулемёта: быстро освоенный разведчиками скорострельный трофейный «машиненгевер» и наш «дегтярь». Пулемётчики частично перебили, а частично разогнали миномётные расчёты и поливали огнём засевших в домах и сараях автоматчиков.

Вскоре взводы ворвались на окраину села и стали быстро продвигаться вдоль дворов, выбивая гренадеров из-за поленниц и строений, вытесняя их на огороды и расстреливая бегущих в чистом поле. Уже десятки трупов в серо-зелёных шинелях лежали там и тут, раненые ковыляли и уползали к лесу. В центре села первый взвод захватил полевую кухню и две гаубицы. Снарядов к гаубицам не оказалось. Вот почему они не стреляли, когда цепи подходили к селу, и когда атаку курсантов можно было прервать и разметать по обочинам шоссе тремя-четырьмя точными залпами. Зато кухня дымила трубой. В котле побулькивало, пахло разваренными макаронами, хорошо заправленными тушёнкой.

Второй взвод плотной цепью охватил Дерново с юго-востока и таким образом отрезал немцам путь к отходу в сторону леса.

А в центре села всю шла драка.

Курсант Денисенко, вопя что-то бессвязное, перемахнул через штакетник крайнего двора и погнался за немцем, который сперва выскочил из калитки навстречу, но, вдруг обнаружив, что у него в рожке автомата кончились патроны, а по улице густой толпой бегут и бегут рослые иваны в хорошо подогнанных шинелях с необычно яркими петлицами и винтовками наперевес, повернулся – куда бы спрятаться? где бы переждать? – и ногой выбил дверь в сенцы. Он мгновенно понял, что теперь спастись от гибели можно только в доме, в стенах жилья. Но его заметили. От рычащей и грохочущей сапогами толпы отделился один иван и начал его преследовать. Черт возьми, как легко и красиво он срезал бы его короткой очередью, если бы в рожке было хотя бы пять-шесть патронов! Запасная обойма торчала в раструбе сапога. Перед боем он всегда засовывал туда пару рожков, и их вполне хватало, чтобы разогнать иванов по лесу, а кое-кого и захватить в плен. Многие из них легко поднимали руки, стоило только их взводу выскочить на своих быстрых мотоциклах на каком-нибудь перекрестье дорог и сделать несколько очередей прямо по колонне. Русские отвечали редко. Они словно ждали того случая, чтобы бросить своё примитивное оружие и вылезть из своих глубоких окопов. Но сейчас нужно было отщёлкнуть и выбросить пустой рожок, нагнуться за новым и вставить его в гнездо, потом передёрнуть затвор, дослать патрон в патронник, и сделать это аккуратно, плавно, чтобы патрон не перекосило и не заклинило.

Для этого требуется всего лишь несколько мгновений. А Иван – вон он, совсем близко, и он, похоже, не даст ему этих пяти-восьми секунд. У него длинная самозарядная винтовка, в магазине которой, быть может, тоже кончились патроны, но этот жуткий штык, похожий на тесак... Чёрт возьми, да ведь это настоящее средневековое копье! И автоматчик, понимая, что не успеет ни перезарядить своё оружие, ни укрыться за дверью, резко повернулся лицом к опасности и попытался отбить штык атакующего русского. Он мгновенно всё рассчитал: отбить в сторону штык и затем ударить ивана рукояткой своего надёжного автомата в висок. Точно так же, как на границе возле Буга он прикончил в рукопашной выскочившего прямо на него пограничника. Тот тоже бежал за ним, изготовившись для удара штыком.

Вальтер Ключ был родом из Восточной Пруссии, из небольшой деревни, в которой жила вся его родня, где жили поколение за поколением все его предки и по отцовской, и по материнской линии. Деревня была основана одним из предков Ключа, древним пруссом, отважным воином. Стояла она недалеко от города Летцена на берегу небольшого озера. Озёр вокруг Летцена много. Такие же древние и прекрасные, как и весь край, который так и называли – Мазурские озёра. Многие озёра в его краю соединялись каналами, образуя обширную систему, так что на лодке можно свободно путешествовать от одной деревни к другой, и даже от города к городу. Таких прекрасных мест он не встречал нигде. Когда он прибыл на сборный пункт и, получив форму рядового гренадерского пехотного полка, начал знакомиться с товарищами, ему так и сказали: «Так значит, ты, парень, родом с Мазурских озёр?» За эти годы много земель он прошёл с оружием в руках, но края красивее, чем его родина, его Мазурские озёра, не видал. Воевать Вальтер Ключ начал ещё в Северной Франции. Их полк вошёл в 16-й танковый корпус генерала Гёпнера. В корпусе было много танков и много пехоты, и поэтому он представлял собой скорее не танковый, а панцер-гренадерский корпус. Впрочем, все танковые подразделения вермахта были наполовину пехотными. Полтора года назад, в мае 1940 года, корпус стремительно атаковал позиции 1-й французской армии и при этом отличился. Тогда они действительно хорошенько отделали этих лягушатников и опрокинули пытавшихся контратаковать англичан. Англичане оказались более стойкими и на отдельных участках дрались действительно как львы. Но кто может остановить натиск германской армады? Танки и гренадерские цепи их корпуса шли вперёд по трупам неприятеля и ломали любое сопротивление. Когда противник сопротивлялся, резко возрастало количество убитых и раненых. С обеих сторон. Когда же отходил или складывал оружие без боя, иногда дело обходилось без стрельбы. В некоторых городах и селениях молоденькие француженки встречали их как освободителей. Жаль, что недолго им там пришлось стоять... Перед вторжением в Россию корпус был пополнен новыми полками и танками, мощными Т-IV, которые таранили любые заграждения. Их семидесятипятимиллиметровые пушки пробивали броню танков противника, как фанеру. Правда, и иваны вскоре применили свои лучшие танки и однажды в открытом бою сожгли две роты их Т-IV и лёгких танков. Вместо чешских карабинов им выдали новенькие пистолеты-пулемёты МР-40 и пулемёты МГ-34. Огневая мощь рот сразу возросла. Их генералу сопутствовала удача. Его любил фюрер. Вот почему у них всегда было самое лучшее оружие и превосходное тыловое обеспечение. Вскоре, уже на марше в глубь России, корпус был развёрнут в 4-ю танковую группу. И танки генерала Гёпнера при постоянной поддержке пехоты, среди отважных и бывалых солдат которой был и он, рядовой Вальтер Ключ, и его верные товарищи, двинулись к Северной столице русских – Ленинграду. А в сентябре, когда Ленинград был окружён и взятие его в Берлине сочли делом нескольких дней, их 4-ю танковую группу срочно с севера перебросили сюда, в самое пекло, в середину Восточного фронта, на московское направление. В ходе операции «Тайфун» она подчинялась 4-й полевой армии генерала фон Ключе. Теперь уже здесь решалось многое, если не всё. Фюрер снова доверял им главное направление. Стремительную атаку, которая

решил наконец судьбу операции и всего восточного похода против большевиков, должны были провести они, доблестные солдаты удачливого генерала.

Второго октября их моторизованный полк без особого сопротивления со стороны противника прорвал оборону на реке Десне в районе Рославля и начал продвигаться вперёд вдоль Варшавского шоссе. Для русских это шоссе было действительно Варшавским. Но они, солдаты и офицеры вермахта, склонны были именовать это шоссе Московским. Потому что оно было кратчайшей дорогой до Москвы. Полк, который первым ворвётся в столицу иванов, так обещал им их генерал, весь, до последнего писаря и кашевара, будет награждён Железными крестами первого класса, а офицеры – поместьями в лучших землях завоёванной страны варваров. «Земли здесь действительно много, и её хватило бы не только для офицеров, но и для солдат, – размышлял Вальтер Клюг, с восхищением оглядывая окрестность. – Но, чёрт возьми, где фюрер возьмёт столько Железных крестов? Ведь это большая и редкая награда не только для солдата, но и для офицера!» Правда, стоило ему об этом сказать вслух, как кто-то из ротных ворчунов из числа старослужащих заметил, что речь, видимо, вовсе и не о тех крестах... О, он знал, на что тот намекает. Обширные кладбища солдат, павших в боях за великую Германию, производили впечатление. В том числе и скромностью берёзовых крестов с лаконичными табличками. Но наступление всё же шло успешно, и потери были незначительными. За трое суток марша, прерываемого мелкими стычками авангарда, они продвинулись к Москве более чем на сто километров. Когда они сидели в окопах под Рославлем и ждали приказа наступать, офицеры им говорили, что именно в этих местах иваны укрепились особенно хорошо и будут встречать их огнём и штыком. Но пока всё шло успешно. Так что Железные кресты всё больше и больше становились реальностью. И это начинали чувствовать даже ворчуны, которые всегда были чем-то недовольны: то недостаточным количеством мяса в макаронах, то неверной заводской пристрелкой карабинов и автоматов, то здешним климатом и свирепыми комарами, которые действительно прокусывали до костей даже через сукно шинелей, то несвоевременными приказами командиров, которые, как казалось, мало заботились о нуждах простого солдата. Правду сказать, во многом старики были всё же правы. Но об этом всё же лучше было помалкивать...

Пятого октября они заняли Юхнов – крепость русских на Варшавском шоссе. Их полк вошёл в город следом за подразделением «древесных лягушек». Но и до тех там хорошенько поработали эскадрильи Ю-87 и Ю-88 фельдмаршала Кессельринга. Эти парни всегда поддерживали их с воздуха. Они действовали столь стремительно, дерзко и эффективно, что роты их полка, даже не снимая автоматов с предохранителей и не истратив буквально ни одной гранаты, входили в города и селения, преодолевали укрепрайоны в буквальном смысле слова по трупам иванов. Единственной серьёзной неприятностью, которую гренадеры при этом испытывали, было то, что трупы иванов уже через несколько часов начинали смердеть. Так что для привала и приёма пищи надо было выбирать местечко более укромное и подальше от места бомбёжки.

Самый сильный бой произошёл на Десне, неподалёку от Рославля, и их панцер-гренадерский полк снова проявил доблесть, отличившись находчивостью командиров и исключительной храбростью солдат и экипажей. В тот день он, рядовой первого взвода шестой роты Вальтер Клюг, взял в плен шестерых иванов. Правду сказать, особого труда это не составило: когда он дал прицельную очередь и свалил офицера, русские сами тут же бросили винтовки и подняли вверх руки. А ведь если бы они решили сопротивляться и начали стрелять, неизвестно, чем бы всё кончилось. Возможно, он и некоторые его товарищи и не дошли бы до Юхнова. Но иваны бросили оружие и поднялись из своих неглубоких окопов, как видно, наспех отрытых на опушке чудесной красоты леса. У них были руки крестьян, и сами они, казалось, пахли землёй. Куда им против гренадер, прошедших Польшу, Францию, Югославию, Литву и Белоруссию! Пахали бы они свою скудную землю и плодили со своими жёнами

рабов для великой Германии! О брошенных винтовках он, конечно же, умолчал, когда сдавал пленного командиру взвода. Не хватало ещё тащить на себе эти тяжёлые штукорины с длинными штыками и грубыми прикладами. Пусть валяются там, где их бросили иваны, и гниют. Они уже никому не понадобятся. А придёт время, их соберут на металлолом.

В Юхнове их роту построили. Перед построением солдаты привели себя в порядок, нацепили противогазы, которые обычно были свалены в кучу на одной из повозок идущего следом обоза, надраили сапоги. Щётка и банка с гуталином у немецкого солдата всегда в рюкзаке. Они-то, пожалуй, поважнее противогаза. Ведь иваны, как бы безнадежно ни складывались их дела, ни разу ещё не применили отравляющие вещества. Гренадер роты обер-лейтенанта Вейсса предупредили, что приезжает генерал и будет вручать награды особо отличившимся в предыдущих боях и объявит отпуска тем, кто этого заслужил. И действительно, сам генерал Кнобельсдорф, командир их несокрушимой 19-й танковой дивизии, прикрепил к его, рядового Вальтера Ключа, мундиру, который он, к счастью, успел отчистить от пыли, копоти и чужой крови, Железный крест I класса. Теперь уже неважно, думал он, получит ли он за Москву ещё один крест. Это, конечно, было бы здорово – нацепить на грудь Железный крест I класса и в таком виде заявиться на порог своего родного дома! Но и без второго креста он был уже герой. Он был настоящий герой, и на его предложение там, на родине, на Мазурских озёрах, ответит радостным согласием, пожалуй, любая, даже самая красивая девушка, о которой до войны, до восточного похода, он мог только мечтать и тайно вздыхать. Теперь он имел Железный крест – высшую награду солдата вермахта! Такую награду в первом взводе имеют только двое: фельдфебель Гейнце и он, рядовой Вальтер Ключ. Правда, фельдфебель Гейнце, этот мужлан, с таким похотливым неистовством любивший русских женщин и заступавшийся за их мужей и братьев, плененных солдат и командиров РККА, получив свой Железный крест ещё месяц назад за смоленские бои, вдруг сказал: «Эх, ребята, я был бы счастлив вдвойне, если бы этот довольно необычный кусок дерьма обладал хотя бы следующим свойством: к примеру, котелок воды из русского колодца превращал в кружку русского самогона! Вот это была бы настоящая награда горячо любимой Родины!» – «Гейнце, ты же прекрасно знаешь, дерьмо не может превращаться в шнапс», – возразил кто-то старому солдафону. Многих во взводе коробили его неожиданные шуточки, которые можно было принять за что угодно. Но старого вояку Гейнце, стрелявшего в славян ещё в годы Первой мировой войны, не так-то просто было смутить. Он подкрутил вверх тонкие кончики своих кайзеровских усов и сказал: «Почему же? Ведь это немецкое дерьмо! А значит, самое лучшее дерьмо в мире! Не так ли, Вальтер? И не это ли мы здесь, в стране варваров, демонстрируем по нескольку раз в день, засерая все окрестности?!» Он всегда задевал кого-нибудь, кто отличался рвением перед взводным командиром, особенно тех, кого он подозревал в нацистских настроениях. И всем своим поведением подчёркивал, что ему отвратительны наци. Он свободно делал то, что считалось нежелательным. К примеру, заходил в дома русских, чтобы напиться воды, наполнить свою фляжку и умыться. И жалел их, сокрушаясь по поводу того, как бедно те живут в своих тесных домах, вросших в землю. Да, русские были почти такими же людьми, как и они, немцы. Особенно внешне. И особенно молодые женщины. Стройны, красивы, чистоплотны. Многие светловолосы и светлоглазы. Вот Гейнце и носил с собою в солдатской книжке между страницами, где значились отметки о его боевых отличиях и где были записаны даты и количество посланных на родину посылок, пару презервативов в прозрачной упаковке. Но он, шютце Вальтер Ключ, всё же не мог преодолеть предубеждения и некоторой даже безразличности к этим русским и ни за что не лёг бы даже с самой красивой и самой чистоплотной, будь она и цветом волос, и цветом глаз похожа на девушку его родины. Командир роты обер-лейтенант Вейсс обещал ему отпуск домой. «Ключ, обещаю тебе, вот возьмём Медынь, ещё одну русскую крепость на Московском шоссе, и поедешь к своим девушкам на Мазурские озёра», – говорил он и

улыбался, как будто и сам был родом оттуда. До Медыни было рукой подать, всего несколько десятков километров. Эту очередную русскую крепость он видел на карте командира роты. Скорее всего, парни из 2-го Воздушного флота разнесут её по камешкам, прежде чем они въедут туда на своих мотоциклах и танках. И им, идущим по земле, опять придётся нюхать разлагающиеся трупы противника и искать укромное место для отдыха и обеда. На карте это был обычный красный кружочек, и ничего более. «Вот твои Мазурские озёра! Вот твои девушки, Ключ!» – сказал обер-лейтенант Вейсс и ткнул пальцем правой руки, туго обтянутой в лайковую перчатку, в свою полевую карту. Новую карту командиру роты выдали совсем недавно. Она ещё похрустывала и пахла типографской краской. Рукою обер-лейтенанта на ней было сделано всего несколько пометок: Юхнов, Мятлево, Медынь и Малоярославец. Товарищи завидовали Ключу, похлопывали его по плечу, говорили: «Тебе, дружище, всегда везёт! А вместе с тобой везёт и всему нашему взводу. Мы уже несколько дней воюем без потерь!» – И стреляли у него очередную сигаретку. Что ж, он охотно угощал. Ведь с него причиталось. К тому же курить он начал совсем недавно, после того как их рота угодила в засаду прямо на марше. Иваны забросали их минами и гранатами, и только второй взвод потерял сразу пятерых убитыми и семерых ранеными. У троих были оторваны руки и ноги... От скряги Гейнце, с которого тоже причиталось, всё равно ведь не дождёшься и окурка. Вчера Вальтер получил из дома письмо. Писала сестра Герда. Сестрёнка – уже невеста. Красавица, каких, признаться, мало на свете. И почерк у неё на редкость красивый. Аккуратные, одна к одной, буквы выстроены в ровные строчки. Кажется, от них пахнет её белыми пальчиками и душистыми волосами, которые она моет каким-то особым мылом. Секреты женщин. Герда писала, что они убрали и переработали весь урожай. Теперь им легче, потому что магистрат им выделил двоих пленных рабов и те трудятся у них в фольварке с утра до ночи и послушно выполняют все самые трудные работы. Герда писала, что иваны, вопреки ранее существовавшим представлениям, не так уж и ужасны, но всегда голодные, напуганные и забавные. Последнее слово его сразу насторожило, потом стало раздражать всякий раз, когда он перечитывал письмо. «Что значит: “забавные”? Она что, с ними забавляется?» И в голову лезли всякие дурацкие мысли вроде презервативов Гейнце. «Ладно, – решил он в конце концов, – вот разрушим эту русскую крепость Медынь, поеду в отпуск на родину и во всём разберусь сам». Германин, конечно же, нужна дешёвая рабочая сила. Особенно сейчас, когда многие немцы надели солдатские мундиры, покинули Vaterland и выполняют свой священный долг перед Великой Германией, сражаясь кто в Африке, кто над Гибралтаром, а кто здесь, на Восточном фронте. Рейх должен производить достаточное количество оружия, боеприпасов, самолётов, танков, автомобилей, продовольствия, обмундирования. На заводах и фабриках много чёрной работы, и ею не должны заниматься высококвалифицированные рабочие и специалисты, которых даже в армию не призывают по причине их незаменимости там, в цехах, у станков. Вот эту чёрную работу и должны выполнять рабы. Чёрт бы их побрал! Как они себя ведут в большинстве случаев в бою? Иваны всегда бегут, как только за дело берутся штурмовые эскадрильи 2-го Воздушного флота и их рота при поддержке танков поднимается в атаку! Разве могут такие называть себя солдатами? Или они действительно не хотят выполнять приказы своих большевиков-командиров и жидов-комиссаров? На Десне их, разбежавшихся по лесам и оврагам, травили, как зайцев на большой охоте, и уцелевших сгоняли к шоссе десятками и сотнями. Иногда они попросту бросали свои окопы и выходили навстречу с поднятыми руками и листовками-пропусками. Брели, как бараны. Как стриженные бараны с испуганными глазами. Так было до Юхнова.

И вот на их полк, успешно, почти без помех продвигавшийся вперёд в составе авангарда, напали какие-то свежие формирования иванов, и они совершенно не похожи на тех, с кем они имели дело все эти дни. Неужели, действительно какой-то резерв, который прозевала разведка, чёрт бы её побрал! И форма на них какая-то необычная, аккуратная, хорошо

подогнанная. И стреляют они хорошо. Умело маневрируют в ходе боя, удерживают фланги, смело перемещаются под огнём. Невозможно засечь и уничтожить их пулемёты: дадут пару прицельных очередей – сразу двое-трое убитых и столько же раненых, – и тут же меняют позицию, тщательно, без суеты маскируются и терпеливо ждут момента, когда можно сделать ещё две-три верных очереди. У них есть снайперы, которые на двести-триста шагов попадают в голову, под обрез каски. Правда, обер-лейтенант Вейсс высказал предположение, которое немного утешало: это – последние отряды русских, резервы из личной охраны Сталина, что они немногочисленны и что за ними уже никого нет – чистая дорога до самой Москвы. Медынь! Прорваться к Медыни. Разогнать по лесам этих последних охранников Сталина. Окружить, забросать гранатами и минами, если не захотят сдаваться добровольно. Истребить непокорных. Как это было прежде. Как это было везде. А от Медыни до столицы русских их мотоциклетный батальон домчит за несколько часов. Уж они-то устоят им переполох. Так что их лучше перебить здесь, на дороге, в лесах. В городах, среди прочных каменных домов они могут быть опаснее.

Рядовой Вальтер Клюг резко повернулся к врагу лицом и попытался отмахнуться своим коротким автоматом. Узкий рожок был пуст и сам автомат показался необычайно лёгким и не таким надёжным, как прежде. Долговязый русский, похоже, угадал его движение. Он убрал штык на себя и тут же, когда автомат пролетел мимо, сделал мгновенный и стремительный, как удар рассвирепевшего шершня, выпад вперёд. Штык блеснул навстречу чуть ниже груди и исчез в распахе шинели рядового первого взвода шестой гренадерской роты Вальтера Клюга, обладателя Железного креста II класса – за личную доблесть в бою, уроженца Мазурских озёр, которому на днях сестра Герда прислала такое светлое письмо и которому на днях был обещан заслуженный отпуск на родину...

– А-а-а! – вопил курсант Денисенко и, сам испугавшись своего ловкого и точного, как удар шершня, выпада, пропихивал штык своей СВТ всё дальше и дальше. – И-и-и! Сук-ка-а!

Вальтер Клюг уже больше не мог удерживать равновесия. Земля и всё, что, казалось, так прочно удерживалось на ней благодаря неким незыбким физическим законам, стало колыхаться и распадаться, терять свои формы и очертания. Он быстро терял силы и рухнул на колени. Он понял, что единственное, что сейчас необходимо сделать и что он ещё сможет сделать – попытаться не упасть, попытаться удержать своё тело. Удержаться, удержаться... Ведь если он упадёт, этот русский просто растерзает его своим штыком. Вальтер Клюг крепко держался за курсантскую винтовку, прижимая её к себе, потому что в это мгновение именно она одна помогала ему удерживать равновесие и не упасть с этого высокого и просторного крыльца вниз, откуда он уже никогда не поднимется. «Удержаться, удержаться... до Медыни... а там... на карте обер-лейтенанта... совсем рядом... этот проклятый иван... не отдать... только не отдать ему этот ужасный штык... Зачем?»

Бледным, глубоким ртом ещё живого человека он жадно хватал воздух. «Ещё, ещё воздуха... Ещё несколько глотков... Я жив... Я ещё жив... Я дойду до Медыни... Я должен дойти... Меня нельзя убивать... Я – кавалер Железного креста... Я завтра поеду на родину... Будьте вы прокляты...»

– Муттер... Либе...

Денисенко оглянулся, лихорадочно ища помощи. Ему казалось, что этот бугай, которого он таки достал своим штыком, сейчас соберётся с силами, вырвет у него из рук винтовку и убьёт его.

– Ребята! На помощь!

Но каждый был занят своим делом. И Денисенко завопил ещё сильнее, при этом не выпуская из рук винтовку. Она помогала ему удерживать немца на расстоянии. Выпусти он из рук приклад – и ему конец. Когда он вдруг понял, что никто не придёт к нему на помощь, с силой рванул на себя винтовку. И сразу почувствовал, как его противник сразу

отяжелел и стал заваливаться набок. Но штык, видимо, засев в позвоночнике, не поддавался. Немец валился вместе с винтовкой, и Денисенко снова охватил ужас: что делать? как у него отнять свою винтовку? бросить её? пока идёт бой, взять его автомат, вон он лежит... а потом вернуться за винтовкой. А вдруг немец только притворяется? Вдруг он не умирает, а только ждёт, когда Денисенко потеряет бдительность и отпустит приклад своей винтовки?

Но тут подбежал помкомвзвода Гаврилов, оттолкнул Денисенко, упёрся ногой в судорожно напрягшийся живот немца и вырвал застрявший штык.

– На! Добей его! Живо!

– Да ну его, – испуганно попятился Денисенко, прижимая к груди свою винтовку. – Пускай сам... Он такой долго не проживёт.

– Ты что?! Давай, говорю! Под рёбра ему пару раз, и все дела! Чтобы не мучился долго.

«Его надо добить, – догадался Денисенко, чувствуя, что в голове у него всё плывёт, мысли путаются, а внутри спеклось, как будто не он немцу, а тот ему вогнал в живот длинный штык. – Надо добить. Старший сержант прав. И дело тут не в жестокости. Нет, я же не жестокий... Но не так». И он начал лихорадочно запихивать в магазин новую обойму. Руки по-прежнему тряслись. Скорей, скорей... Пока не поднялся... Поверженный враг всё ещё барахтался под крыльцом, скрёб посиневшими мертвеющими пальцами затоптанный молодой снег.

– Да ну его... – снова сказал Денисенко и взглянул на помкомвзвода таким зверским взглядом, что тот тоже махнул рукой.

А курсант сел на крыльцо, забрызганное кровью, положил на колени винтовку, достал горсть снега и начал тщательно очищать штык, как очищают лопату от налипшей влажной земли после копки огорода.

– Ну зачем ты выскочил? А, герман? Думаешь, если такой здоровый... Сиди теперь с тобой... А мне дальше надо. Куда мне тебя стрелять? В голову? Или куда?.. Помирай скорее, чёрт бы тебя!..

Вальтер Клюг всё ещё храпел, всё дышал. Внутри у него что-то булькало. Кровь с шипением вытекала в широкую рану. Немец лежал на спине, придавив своим могучим телом ранец, в котором лежали отдельно от всего завернутое в шёлковую тряпицу письмо от сестры и Железный крест – символ его доблести и мужества, проявленные здесь, на Восточном фронте, вдали от его Vaterland.

Денисенко с ужасом наблюдал за умирающим, за тем, как из широкой раны с шипением выхлёстывает сильными толчками кровь. Он до этого и представить себе не мог, что штык оставляет такую рану. Когда тренировались на манекенах, всё казалось иначе. Штык в манекен входил труднее. И труднее было попасть в середину корпуса. И дырочка оставалась совсем небольшая, едва заметная.

– Отходит, – сказал сам себе Денисенко и покосился на лицо немца. – Тебе теперь торопиться некуда. Небось в Москву мечтал попасть. Вот тебе и Москва... под крыльцом... Лежи, лежи, фашист... – Денисенко хотел сказать ему: «проклятый», но язык не повернулся. Зачем оскорблять поверженного врага, даже если он действительно проклятый и ненавистный.

Винтовку с заряженным магазином и досланным в ствол патроном Денисенко по-прежнему держал на коленях. Коленки его тряслись. «Если немец вдруг встанет, – решил он, – я выстрелю ему в голову». Другого выхода у него действительно не было.

На противоположной стороне Дернова всё ещё слышалась стрельба и крики на разных языках, но всё чаще и гуще – мат. И Денисенко понял, что наши одолевают. Снаряды рвались уже дальше вдоль шоссе и в лесу. Что-то там горело и ухало. Видимо, артиллеристы нащупали очередную цель и теперь добивали её сосредоточенным огнём.

– Денисенко? Дом осмотрел?

– Никак нет, товарищ лейтенант, – испуганно ответил Денисенко, неожиданно увидев перед собой взводного. – Не успел.

– А какого чёрта тут сидишь?

– Да вот... – Он кивнул на лежащего у его ног немца. – Пленного караулю. Штыком я его... малость... Боюсь, подхватится, уползёт куда...

– Какой он, к чёрту, пленный?

Лейтенант Ботвинский стволом пистолета указал в глубину распахнутых сенцев:

– Осмотри дом. Живо!

Когда курсант Денисенко выбежал из сенцев, обшарив весь дом и чулан, где пахло мукою и чем-то съестным, немец уже затих. Даже скрюченные пальцы на снегу не двигались. На виске у него алела раздавленная ягода клюквы. Лейтенант Ботвинский стоял над ним, торопливо засовывал и никак не мог засунуть в кобуру свой ТТ. Он даже не взглянул на Денисенко.

– Товарищ лейтенант, зачем же вы его?

– А ты что, собирался его в санчасть тащить? – испуганно и зло отозвался взводный, глядя куда-то в сторону, за штaketник, и Денисенко увидел, как сильно у того трясутся руки.

– Он уже отходил. Сам бы...

– Ты что, Денисенко, сиделка при больном?

После боя в Дернове отряд пошёл вдоль шоссе, прочёсывая березняки, населённые пункты и овраги. Курсанты и десантники врывались в деревни, откуда не успевали уйти немцы, с ходу сбивали немногочисленные арьергарды, оставленные у дороги и на высотах с целью хоть как-то сдержать и ослабить неожиданную атаку русских. Стало ясно, что сил у немцев не так уж много, и что они не намерены цепляться за каждый бугорок.

– Скорее всего, они будут ждать нас на Угре, – сказал Мамчич Старчаку, когда они наконец прекратили атаку и оседлали высоту по обрзу глубокой лощины.

На дне лощины темнело небольшое болотце, заросшее ивняком, а по берегам ольхами и ракетами.

Они сидели в тесном шалаше под брезентовым пологом. Вестовой Старчака принёс горячий чайник и разлил по разнокалиберным кружкам густой морковный чай. И от закопченного чайника, и от чая пахло дымом. Вестовой достал откуда-то из-под ящика сумочку с сухарями, расстелил опрятную белую тряпицу, старательно разгладил её рёбром ладони, насыпал белой горкой сахару.

– Угощайтесь, товарищи командиры. Чем богаты, – сказал Старчак, кивнув на чай и сахарную горку.

В штабном шалаше Старчака кроме Мамчича, командира артдивизиона капитана Рос-сикова и политработников собрались командиры рот, штабники и ещё несколько офицеров, которых многие видели впервые. Впервые видел их и Мамчич. По тому, как они были одеты и как терпеливо и почти отстранённо слушали разговор офицеров, он понял, что это, скорее всего, интенданты или особысты.

– Вот что, Леонтий Акимович, – сказал Старчак, обращаясь к нему, – я думаю, что, если они не решатся атаковать сегодня ночью, что действительно маловероятно, завтра нас ждёт нелёгкий день. Перегруппируются и навалятся всеми наличествующими силами.

Старчак обращался к Мамчичу, но все понимали, что он обращается ко всем. И то, что сейчас ответит ему командир курсантской роты, будет касаться каждого.

– Нужна разведка. Что там и кто перед нами там, в глубине, мы не знаем. Но знать должны. Устав нарушать не будем.

– Да, Леонтий Акимович. Надо срочно выслать разведку. Две группы. Одну снаряжаете вы. Совместно с артиллеристами. Пусть и они взглянут опытным глазом на возможные цели. – И улыбнулся, собрав на висках в уголках больших серых глаз пучки морщин. –

Сегодня боги войны сработали хорошо. Как на полигоне по мишеням. Спасибо вам, капитан. Всему личному составу дивизиона от моего имени передайте благодарность. Но вот что имейте в виду: завтра, если они пойдут, в первую очередь попытаются лишить нас огневой поддержки. Нюхнули бронебойных. В другой раз не захотят. Они народ практичный. Уроки усваивают сразу. Так что хорошенько замаскируйте свои орудия. Создайте ложные позиции. Без орудий нам тут... – И, вздохнув, поморщился, задумчиво посмотрел на Мамчича. – Сегодня днём севернее нас, видимо, где-то в стороне Износок, шла сильная стрельба. Но обороны нашей там нет. Мои разведчики тот край весь обшарили. Пустые окопы. Всё брошено. А что происходит севернее нас, неясно.

– Возможно, это отходят какие-нибудь части. – Один из особистов шевельнулся, кутаясь в шинель. – Есть сведения, что некоторые подразделения Западного и Резервного фронтов не выдержали натиска противника и при попустительстве командиров бросили свои позиции и беспорядочно отходят. Я же вам говорил. – Последние слова особист произнёс раздражённым тоном человека, который знает всё.

– Отходят... Опять, значит, драп, – сказал командир роты десантников, рослый лейтенант, всё это время молча сидевший в углу с пустой остывшей кружкой в руках.

Особист даже не оглянулся в его сторону, снова поддёргнул шинель и продолжил:

– Передайте командирам взводов, а те, в свою очередь, пусть в обязательном порядке доведут до каждого бойца, что на их позиции, возможно, будут выходить отступающие подразделения и одиночки. Так вот, учтите. Необходимо проявлять бдительность. Вот это особенно подчеркните, товарищи, потому что под видом бойцов и командиров Красной Армии в наш тыл могут просочиться переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Или просто трусы, которые бросили свои позиции необоснованно и теперь спасают свою шкуру. И те, и другие одинаково опасны. Всем всё понятно?

– Не всё. Разъясните, что значит – необоснованно бросили свои позиции? – снова колыхнулся на ящике, скрипнув, казалось, всеми его дощечками, крупнотелый, угловатый, как валун, лейтенант-десантник. – Вот мы от Угры тоже вроде как и не вразвалочку сюда проследовали. Бегом бежали.

В шалаше сразу повисло настороженное молчание. Особист дёрнул чёрными густыми бровями и сказал:

– Вы, товарищ лейтенант, отошли совершенно обоснованно. И справа, и слева от вас, насколько нам известно, то есть на флангах, наших войск не было. Вы избежали угрозы окружения. И отошли, как показали бывшие с вами бойцы и младшие командиры, в самый последний момент, когда уже были исчерпаны все имеющиеся возможности удерживать берег и свои позиции.

– А, ну теперь мне действительно понятно, почему мы отошли...

Особист поморщился, но иронию лейтенанта-десантника всё же пропустил мимо ушей. И подытожил:

– Так вот, товарищи, выходящих на позиции пропускать и в сопровождении охраны препровождать к штабу.

– С оружием? – спросил кто-то из политработников, до этого момента молча слушавших разговор командиров.

Шалаш опять заполнило гнетущее молчание. Слышно было, как всё там же, севернее шоссе, то ближе, то дальше, гремела канонада. Что-то там происходило. И тут снова ворохнул глыбой плеча лейтенант-десантник:

– А скажите, где сейчас передовая?

– Я бы тоже хотел сейчас знать, где она, передовая, – тихо и уже несколько иным тоном ответил особист.

– Таким образом, как я понимаю, мы будем встречать выходящих из окружения, – сказал Мамчич. – Тогда зачем же их разоружать? Раненых – в тыл, а боеспособных – в строй, в окопы. К тому же эта процедура – разоружать, препровождать, как вы выразились, то есть конвоировать... У нас и так не хватает людей, чтобы хотя бы занять все ячейки! Списочный состав уменьшается после каждого боя. Так что поручите эти не свойственные нам функции кому-нибудь другому.

– Кому? – спокойно, но со значением спросил особист.

– Не знаю. Я со своей ротой и дивизионом прибыл сюда не для ответов на эти вопросы, а драться. Имею на это чёткий приказ.

– В обозе собрано много трофейного оружия. Не хватает только людей, – поддержал Мамчича Старчак.

– Так вопрос не ставится. Но если даже и так, если вы, товарищи командиры, настаиваете и если того действительно потребует обстановка, то мы должны чётко знать, кого мы собираемся ставить под ружьё и кому доверяем позиции. – И особист начал набивать табак вишнёвую с серебряным ободком трубку.

И Мамчич, и лейтенант-десантник с неприязнью смотрели и на особиста, на его дорогую трубку и на то, как он её бережно обихаживает. Но никто не проронил ни слова.

Из книги воспоминаний Маршала Советского Союза, в октябре 1941 года генерал-лейтенанта, командующего 16-й армией Константина Константиновича Рокоссовского «Солдатский долг»:

«Общая обстановка, сложившаяся к 14 октября на Западном фронте, оказалась очень тяжёлой. Нанеся удар своими крупными танковыми и моторизованными группами на флангах, противник смог прорвать фронт на обоих направлениях как на севере, так и на юге, быстро продвинуться в глубину и, сомкнув кольцо, окружить войска нескольких армий, оставленных на прежних рубежах западнее Вязьмы. Если в Смоленском сражении в июле 1941 года немецкому командованию подобный маневр не удался, то теперь он осуществился полностью. Окружённые, наши войска, не получив помощи извне и мужественно сражаясь, погибли во вражеском кольце. На московском направлении оказалась почти пустота».

Из «Военного дневника» генерал-полковника Франца Гальдера, начальника штаба сухопутных сил Германии с 1938 по 1942 г. Запись 6 октября 1941 г.:

«На фронте, где осуществляется операция “Тайфун”, весьма значительные успехи. Танковая группа Гудериана достигла Орла. На остальных участках фронта группы армий сопротивление противника почти всюду сломлено (за исключением фронта 2-й армии). Танковые дивизии продвинулись на 50, а пехотные дивизии – на 40 км. Признаков преднамеренного отхода нигде не замечено.

4-я танковая группа, подчинённая 4-й армии, заходит главными силами на север. Войска противника, по некоторым признакам, деморализованы. Правый фланг танковой группы Гёпнера и левый фланг 2-й армии наступают на Юхнов и далее, не встречая значительных сил противника.

В целом можно сказать, что операция, которую ведёт группа армий “Центр”, приближается к своему апогею – полному завершению окружения противника».

Распоряжение начальника Генерального штаба Красной Армии:

Командующему Резервным фронтом

Командующему Западным фронтом

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования

Начальник Генерального штаба КА

Б. ШАПОШНИКОВ

6 октября 41 года, 19 ч. 30 м.

№ 002684».

Глава четвёртая В окопах

Передовой отряд курсантов и роты десантников спешно окапывались. Артиллеристы и миномётчики оборудовали позиции, маскировали врытые в землю орудия, пилили деревья и вырубали кусты, которые закрывали дорогу и могли стать помехой в бою. К шоссе выкатили две «сорокапятки», тщательно прикрыли их щиты и стволы еловыми лапами.

Мамчич с начальником штаба передового отряда обошёл участок обороны, который занимали курсантские взводы.

– Курсант Макуха! – окликнул ротный коренастого курсанта, сидевшего на дне пулемётного окопа, отрытого по всем правилам и замаскированного травой и хворостом. Рядом с курсантом под пятнистой плащ-палаткой горбился «максим». Сапёрная лопата торчала в кромке бруствера.

Ротный сразу отметил: и плащ-палатка, и лопата немецкие. «Вот любители трофеев», – подумал он. Однако отметил, что окоп отрыли по всем правилам, и бруствер выложили так, как надо. Только поглубже бы надо. Начнут кидать мины... И замаскировать хорошенько.

– Я! – живо вскочил Макуха, пряча за спиной дымящийся котелок.

«Да, окопчик у пулемётчиков мелковат», – сразу определил Мамчич, глядя на то, как неприкрыто опасно маячила над свежим бруствером грудь курсанта.

Пока курсанты передового отряда не обзавелись своей кухней, горячим их подкармливали десантники. И вот в Дернове разжились трофейной. Теперь и рота, и дивизион полностью обеспечены кашей и варёными концентратами. А котелков, плоских и удобных, уже нахватили у немцев. Стекланных фляжек тоже. Этому солдата на войне учить не надо. После нескольких успешных боёв в окопах появляется всё необходимое.

– Курсант Макуха, я знаю, что ложка для вас пока привычнее лопаты, однако для боя нужен основательный окоп. А в этом горшке немец уничтожит вас в первые же минуты боестолкновения.

– Да я их, товарищ старший лейтенант, сегодня уже двоих верных завалил!

– Сегодня противник отступал. Он был подавлен нашей внезапной атакой и бросил позиции. А завтра или уже сегодня ночью он попытается контратаковать. А перед атакой обработает по всем правилам из миномётов и орудий. Так что углубляйте окоп. Вы, Асанов, тоже. И соединяйтесь ходом сообщения. Сержант Сурхаев, проследите и доложите командиру взвода. По ноздри! Зарываться по ноздри! Всем!

Кто-то из курсантов присвистнул. Раньше, в училище, такое в ответ на приказание ротного никто бы позволить себе не осмелился. А теперь – фронт, война. И здесь, хоть и не попирая уставы, но уже управляли людьми другие законы. И другие отношения складывались между ними. Между командиром роты и курсантами, между командиром роты и другими офицерами, которые штатным расписанием, силою приказа и обстоятельств были подчинены ему, старшему лейтенанту Мамчичу, между взводными и курсантами. Там, в первом же бою, когда кто-то уже успел проявить себя, не сробел, помог товарищу, начала действовать другая иерархия, своя, неписанная табель о рангах, которая, Мамчич это прекрасно понимал, помогла роте успешно провести обе атаки, и которая будет помогать им воевать и выживать впредь. И эти две атаки, их результаты, показали, что приказ начальника училища продержаться здесь, на участке дороги Юхнов – Мятлево – Медынь, пока основные силы училища не займут Малоярославецкий укрепрайон, он со своей ротой и подчинённым ему артдивизионом, пожалуй, выполнить сможет. Только бы не изменились обстоятельства. Не замешкались бы под Малоярославцем наши. Не предприняли бы чего немцы.

Мамчич окинул взглядом цепочку окопов, которая извилистой пунктирной линией тянулась вдоль берега речушки. Иногда она прерывалась в низинах, но потом снова появлялась и уже не пунктиром, а, казалось, сплошной линией окаймляла береговой скат. Но слишком тонкой была она, эта линия обороны. Курсанты выглядели из-за брустверов, тихо переговаривались. Он подумал о том, что, возможно, многим из них суждено будет остаться здесь навсегда. А кому-то и посчастливится выжить. Какой жребий вытащит вон тот, голубоглазый, с сержантскими петлицами? Увезут ли его отсюда в бинтах с пулей в животе или с перебитыми осколками ногами, но всё же живого? Или завтра же зароят здесь, в его же окопчике, в котором он так тщательно обрезает стенки? А вон того курсанта, в трофейной шинели со споротыми погонами и нашивками, – что ждёт его? Несколько дней назад шестая рота сдала свои шинели в ремонт и стирку. И не все взводы успели получить их назад. Рота здесь, в окопах, на позициях, а шинели там, в Подольске. Кому-то они уже не понадобятся. Другие, после первых боёв и трофеев, приделались не по уставу. Война пишет свой устав. И глупо ему перечить. Пусть ходят и воюют в немецких шинелях. Мамчич ещё раз окинул взглядом оборону шестой роты. Тонкая пунктирная линия, призрачно уплотняющаяся вдали и сливающаяся в сплошную линию. Слишком тонка и она и ненадёжна. В один эшелон. Любой из его курсантов знает, что это такое, что значит строить оборону перед танками противника в один эшелон.

Мамчич думал о своих курсантах, о тех, кого уже прикопали под берёзами, и вдруг словно споткнулся: а что, какая судьба, ждёт его самого? Во время штыковой атаки он шёл в цепи и стрелял из своего ТТ, а потом подобрал СВТ упавшего рядом курсанта. И вместе с курсантами потом бежал вдоль домов и сараев по проулку и стрелял в спины убежавших немцев.

Теперь он стоял рядом со своим начштаба, смотрел на извилистую линию окопов, обрамлявших восточный берег речушки, на лица курсантов своей роты, на их согнутые в тесных ячейках потные спины и думал: «Что я могу сделать, чтобы как можно меньше из них осталось здесь, в этих воронках и ячейках? Что кроме выполнения приказа могу я здесь для них сделать?»

«Десять метров траншеи – лучше, чем метр могилы! Запомните это, ребята!» – это была его присказка, и курсантам она была знакома с первых же занятий в поле. Теперь она звучала по-иному. И он старался её не произносить.

Когда офицеры, низко припадая к земле, ушли на правый фланг, в соседний взвод, из своего окопа выглянул помкомвзвода Гаврилов, окинул склон холма, на котором копошились знакомые фигуры курсантов, и рывкнул:

– Приказ понятен?! Выполнять, как приказано! Сам проверю! И если замечу халтуру, будете копать ещё и отводы! Десять метров траншеи лучше, чем метр могилы! Ясно?

Лопаты во втором взводе застучали чаще. С этим громилой лучше не связываться. В бою он превращался в совершенного зверя. Но рядом с ним было не так страшно. Взвод как будто почувствовал: в самый трудный момент помкомвзвода сообразит, как надо действовать, подаст команду, а им, курсантам, нужно не медля выполнить её, и любая опасность, любая беда, как слепой осколок, пронесётся мимо.

– Глубже зарывайтесь в землю, сучата! Окоп – по грудь! Бруствер – по горло! Чтобы можно было удобно вести огонь. Окоп – это позиция для бойца. Позиция, из которой он должен своим огнём поразить врага! А не яма, где можно спрятаться от огня противника и справлять собственную нужду! Кому не ясно?

Кому не ясно... Всем ясно. И именно поэтому реакция на очередные наставления старшего сержанта Гаврилова была следующей. Кто-то из курсантов, не выглядывая из своей ячейки, вдруг сказал твёрдым голосом ровни:

– Хорош учить, Гаврилов! Сами знаем, для чего окоп нужен.

Помкомвзвода нахмурился и уже набрал в лёгкие воздуха, чтобы извергнуть очередное ругательство, но передумал, усмехнулся и покачал головой. Он даже не привстал из своего ровика, чтобы посмотреть, кто это в их взводе появился такой шустрый. Какая разница, кто? Курсанты становились солдатами, и им уже не подходил тот тон, которым он крыл-воспитывал их в училище и по дороге сюда. Сегодня его «сучата» только в Дернове и в окрестностях уничтожили огнём и штыками около сорока неприятелей. Отличились даже те, на кого он и не рассчитывал, и чьи боевые качества он явно недооценивал.

В соседней ячейке усердно сопел курсант Денисенко. Часто стучал лопатой, с крёх-том и хаканьем рубил берёзовые корни, дёргал соплёт и что-то бормотал. Штаны его, видимо, ещё не просохли. «Небось мёрзнет, сучонок», – подумал сочувственно помкомвзвода и понюхал окружающий воздух. Но запаха своего подчинённого Гаврилов не уловил. Пахло прелой листвой и порушенной землёй. Во время боя с Денисенко происходило непонятное. Он постоянно мочился в штаны, при первой опасности падал на землю, распластывался, как мышь под доской, буквально прилипал к спасительной почве, и поднять его было почти невозможно. Но когда помкомвзвода подбегал к нему, приподнимал за воротник шинели и встряхивал, тот живо вскакивал и впадал в совершенно иное состояние: это была либо истерика на грани разрыва сердца, либо буйный восторг: он визжал, рычал и вырывался вперёд, потрясая своей винтовкой с примкнутым штыком. Однако после того как в Дернове он заколол здорового grenадера, в нём произошла некоторая перемена. Он осмелел. Его уже меньше клонило к земле. В цепи шёл, не нарушая интервала и молча. Но мочиться не перестал. «Нервное», – понял Гаврилов и стал опекать курсанта.

Помкомвзвода вылез из ровика, глотнул из фляжки, пополоскал рот и выплюнул за бруствер, снова принялся.

– Денисенко!

Тот высунулся из окопа, утёр красным кулаком под носом.

– Поди в ручей, штаны замой. Пока не стреляют. Несёт, как от престарелого кобеля.

– Да чего тут... Уже ж высохло, товарищ старший сержант, – буркнул Денисенко.

– Тьфу т-ты! Высохло у него...

Вечером, когда с самого дна оврага и из лесу по лесным дорогам и коровьим тропам выползла и заполнила всё пространство густая, тягучая, как дёготь, осенняя темень, быстро переходящая в ночь, пошёл дождь. Вначале он осторожно, как бы присматриваясь к склону перед ручьём, самому ручью и ольхам, росшим вокруг, обежал всё, а потом, видать, облюбовал местность и налёг густыми накатами, так что вскоре в окопы потекли холодный струйки с кусочками размытой земли и мелкими камешками. Курсанты укрылись трофейными плащ-палатками и шинелями и задремали на охапках принесённой с поля соломы. Те, кому не спалось или укрыться было нечем, доедали остатки каши, хрупали сухарями. Замерли, притихли в своих норах. Вспоминали – кто прошедший день, первую и вторую атаки, бегущих немцев, горящие грузовики и танки, погибших товарищей, кто родню, матерей, невест и друзей и тот счастливый мир, который оставили в родных сёлах и городах. На какое-то время на позициях курсантской роты установилась тишина.

Там и тут слышался храп спящих утомлённых людей. Не спали только боевые охранения, выдвинутые на правый берег реки и окопавшиеся там, да часовые в траншеях. Дождь вконец освоил их позиции и тихо, совсем не по-фронтовому шелестел в опавшей листве, мягкими осторожными лапками ходил по плащ-палатке, которой Воронцов закрыл сверху свой одиночный окоп, глубокий, под свой рост – для стрельбы стоя. Он сел на охапку свежей соломы, которая, ещё не тронутая ни дождями, ни морозами, пахла летом, нагретой солнцем землёй и изобилием минувшего августа. Воронцов пощупал солому, пустые, вымолоченные метёлочки, которые шуршали в пальцах, как кусочки пергамента, и понял – овсяная. Мягкая,

хорошо вызревшая, шелковистая. Такой в селе всегда набивали матрасы. У них в Подлесном был даже день, всегда воскресенье, когда в колхозе раздавали солому. Бесплатно. Чтобы в зиму обновить матрасы. Это был настоящий праздник. С утра мать и сёстры вытаскивали на улицу матрасы со сбившейся и растёртой в труху и пыль старой соломой, распарывали их по шву, вытряхивали. Наматрасники несли на реку, на пральню, тщательно, с мылом, стирали и выполаскивали. Затем развешивали на жердях. На солнце и ветру грубоватое самотканое льняное полотно высыхало быстро. И вечером наматрасники, вывернутые и выглаженные жаровыми утюгами, уже набивали свежей соломой и зашивали большой штопальной иглой, которую мать хранила, как зеницу ока, в скрипучем платяном шкафу, в жестяной коробке, где хранилось самое дорогое – их метрики и какие-то нужные справки. В дом вместе с пухлыми, казавшимися необычно огромными матрасами они вносили запах поля и лета. Постели становились сразу высокими, под потолок. Варя и Стеша запрыгивали на свою кровать с разбегу и тонули в ней, одни русые головёнки торчали. Сёстры спали вдвоём. Они кувыркались, хохотали до хрипоты, а потом затихали. Его кровать, стоявшая в другом углу за пёстрой ситцевой шторкой, была узкой, похожей на солдатскую. И матрас на ней был поуже. Но тоже пышный, тёплый и уютный после перебивки. В первые ночи он буквально обнимал его плечи и ноги, будто перина. Точно такая же кровать была и у деда Евсея. Их кровати стояли рядом. Но в последние годы дед перебрался на печь, «на родину». «Всех к старости тянет на родину», – посмеивался дед Евсей, забираясь через козёнку на свою печь, на лежанку, на кирпичи, сверху застланные старым, как и сам он, овчинным тулупом и какими-то зипунами. Матрас деда Евсея тоже набивали свежей соломой. Это был единственный день, когда солому в колхозе раздавали даром, по несколько возов, кому сколько надо, вволю. Некоторые, кто понаглее и порасторопней, успевали набить даровой соломой курятники и укромные закутки, куда не заглянет глаз председатели или бригадира.

Успели ли перебить матрасы свежей соломой нынче? Может, и не до того было. Воронцов вздохнул, прощаясь с этими внезапно вспыхнувшими воспоминаниями о родине и родне.

Рядом возились пулемётчики Селиванов и Краснов, первый и второй номер РПД. Окоп им пришлось отрывать широкий, на двоих. У артиллеристов они раздобыли большую лопату и быстро расширили свой ровик, прокопали ход сообщения в сторону ячейки своего командира отделения. Селиванов убрал с бруствера ручной пулемёт, протёр его сухой чистой тряпичей, которую всегда держал в голенище сапога, продул прицел. После этой процедуры первый номер встряхнул тряпицу, разгладил её на колене, аккуратно, как носовой платок перед увольнением, сложил вчетверо и сунул обратно за голенище. Вскоре пулемётчики захрапели. Сперва Краснов, а следом за ним торопливо, будто догоняя товарища, и Селиванов. Они храпели так же дружно, как и работали лопатами полчаса назад.

Задремал и Воронцов, не в силах больше сопротивляться усталости и внезапному теплу, образовавшемуся в его тесном и случайном жилище, отгороженном от всего мира, от этой тревожной ночи и от всей войны тонкой парусиной солдатской плащ-палатки. Они воевали всего один день, но и этот день был уже войной. И война научила их многому. К примеру, ценить самые простые вещи, которым раньше никто из них не придавал особого значения. Даже вот такую минуту спокойствия и тишины. Она длится и длится, истончаясь с каждым мгновением, и надо молить судьбу о том, чтобы будьба не обрывала её. Охапку сухой соломы на дне окопа. Ведь в другой раз такая охапка может и не найтись, не оказаться под рукой или даже где-нибудь поблизости. Палатку над головой, сохраняющую тепло и надёжно закрывающую накопленное тепло от дождя. Сам окоп, достаточно глубокий, с прочными стенками. Тишину. И то, что в кармане после ужина осталась пайка хлеба, которую можно съесть в любой момент. Не сухарь, а настоящий хлеб, мягкий, пахнущий пекарней и полем! Всегда ли это будет у них на войне? Веки отяжелели, голова поникла на

колени. «Надо бы каску снять, – вяло подумал он, а то голова болеть будет. Сейчас сниму...» Но ноги вдруг побежали по жаркому песку, по золотой косе, щедро намытой паводком по обрезу берега вдоль речки Ветлицы...

«Где это я? Неужто дома? Дома...» Над золотой песчаной косой с тихим хрустящим шорохом летали стрекозы. Легко, как легко и радостно бежать босиком по песчаному берегу, когда в тебя не стреляют! Ноги несут, как крылья. Куда несут его ноги? Домой... Домой... Вон они, крыши его родного Подлесного, уже виднеются среди раkit и сосен. И вдруг он запнулся, упал, и его понесло куда-то в сторону, в черноту, в промозглость, где со свистом и хриплым скрежетом летают рваные куски раскалённого металла... Куда его несёт? И откуда здесь, на песчаном, пронизанном золотыми лучами горячего солнца берегу, эта чернота и промозглость? Не хочу... Надо выбраться отсюда... Не хочу!.. Лучше – домой. Туда... Вон туда, где виднеются родные крыши! Туда...

– А-а-а! И-и-и!..

Воронцов вздрогнул, откинулся в угол тесного окопа, машинально снял СВТ с предохранителя, задержал дыхание, прислушался. В винтовке у него полный магазин, и Воронцов был спокоен. Каждый патрон, прежде чем защёлкнуть его в коробку магазина, он тщательно протёр, продул, погрел в своих ладонях. Они, те десять патронов, замеших под стволом его винтовки, не подведут. Не подведёт и винтовка.

– Оё! Оё! А-атпус-сти, с-с-ка-а!..

Вопил Денисенко. Это он испугал его, разрушил искусно сотканную из случайных обстоятельств и хрупких надежд паутину сна, и едва не утащил в промозглую черноту ужаса. Денисенко вопил истошно, по-бабьи. Как будто его убивали. Оказалось, он плохо закрепил над головой плащ-палатку, она провисла, накопила воды, и эта вода, отяжелев и изменив центр тяжести, обвалилась в окоп прямо на голову спящего курсанта.

– Отставить! – рявкнул помкомвзвода.

Гаврилов перемахнул через песчаную гряду, на всякий случай держа в одной руке гранату, а в другой – автомат с полным диском. И вскоре оттуда послышалось:

– Ну, что у тебя, Денисенко? Да ладно ты, не переживай. В санчасть тебе надо. Завтра же доложи лейтенанту. Или давай я сам скажу. Это ж дело такое... стесняться... что ж тут? Организм такой...

«Денисенко опять в штаны напустил, – с облегчением подумал Воронцов. – Видимо, в атаку пошёл...»

Проснулись и другие курсанты. Селиванов с Красновым вытащили на бруствер пулемёт и, замерев, всматривались в березняк на той стороне лощины.

– Что там?

– Немцы? Где?

– Куда стрелять, товарищ сержант?

– Отбой, ребята!

– Ложная тревога!

– Рюмки налить! – выкрикнул голосом старшины сержант Смирнов, и в ячейках там и тут послышался смехок.

Смирнов опять, видимо, решил потешить своё отделение. Ох уж этот Смирнов! Балагур и похабник, он, несмотря на панибратские отношения с курсантами, пользовался их уважением. Приказы его исполнялись тут же, без пререканий. Доверяли ему и офицеры. А со старшиной роты у него, похоже, и вовсе была дружба. Этот весельчак и заводила Смирнов на самом деле был не так прост и знал, с кем и какие отношения надо поддерживать и где соломки подстелить, чтобы больно не удариться. Всегда у него в ранце в запасе была банка рыбных консервов, пара-тройка сухарей, несколько кусков сахара.

В третьем отделении слышались приглушённые голоса. Потянуло табачным дымком.

– Огня не разводить! – тут же последовал окрик помкомвзвода. – Пионэры...

На правом фланге сразу притихли, но уже вскоре оттуда донёсся задавленный смешок нескольких курсантов.

«Ну, точно, Смирнов затравил очередную байку, – догадался Воронцов, и это его сразу как-то согрело. – Всё ему нипочём. И откуда он столько знает?» Воронцов догрыз горбушку. Он откусывал хлеб маленькими кусочками, подолгу держал их на языке, словно взвешивал, и они буквально таяли у него во рту, так что и плотать, казалось, было нечего. Он приподнял край плащ-палатки, осторожно слил за бруствер накопившуюся воду и обнаружил, что дождь немного поутих. Вот почему оживились в третьем отделении – вылезли покурить.

Кругом было черно. Почти так же, как и в глубине окопа под плащ-палаткой. Чёрный бруствер. Чёрное небо. Чёрная траншея, расходящаяся в разные стороны от его ячейки. Снег совсем растаял. И следа от него не осталось. Только березняк смутно виднелся на той стороне ложины, нарушая гармонию ночи нечёткими белыми разводами. «Вот и хорошо, – подумал Воронцов, – не так видны наши окопы. Немецкая разведка, должно быть, уже шныряет по лесу. Кружит по тылам их отряда. Не зря ротный приказал везде выставить усиленные боевые охранения и наблюдателей».

– Слышь, Денисенко? – рокотал другой стороне траншеи голос помкомвзвода.

– Я! – тут же послушно и испуганно, будто спросонья, отозвался курсант Денисенко.

– Если во время пальбы припрёт по-большому, из окопа не вылезай.

– А как же быть, товарищ старший сержант?

– Вали на дно, а потом, с земелькой, на лопату и – за бруствер. Понял? Только швыряй не в свою, а в немецкую сторону. Это-то ты хоть сообразишь? Не перепутаешь?

– Понял, товарищ старший сержант, не перепутаю.

– Глади у меня. А то высунешься под пулю снайпера. Ночью они обязательно подойдут. Замаскируются. Утром начнут охоту. – И, выдержав небольшую паузу, сказал: – Ну и несёт же от тебя, Денисенко!

– Вы же сами сказали, организм у меня такой, – вздохнул Денисенко.

– А может, ты придуриваешься? А, Денисенко? Немца вон какого завалил! И как ты с такой болезнью в училище попал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.